

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

ФГБОУ ВПО «УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛЕСОТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**РОССИЙСКАЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ:
история, современное состояние
и перспективы развития**

Материалы Первой Всероссийской конференции,
посвященной Году истории в России
(Екатеринбург, 1 октября 2012 г.)

Екатеринбург
2013

УДК 316.32(470+571)

ББК 60.550

Р 76

Рецензенты:

А.В. Черноухов, доктор исторических наук, профессор кафедры архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета; кафедра новой и новейшей истории Уральского федерального университета

Российская повседневность: история, современное состояние и перспективы развития: Материалы первой всероссийской конференции, посвященной Году истории в России (Екатеринбург, 1 октября 2012 г.). – Екатеринбург: УГЛТУ, 2013. – 89 с.
ISBN 978-5-94984-447-2

В сборнике рассматриваются проблемы российской повседневности в историческом и социокультурном аспекте. В материалах конференции представлена мозаика проявлений повседневной жизни российской цивилизации как в прошлом, так и в настоящем.

Сборник адресован преподавателям гуманитарных дисциплин средних и высших учебных заведений страны, а также всем любителям российской истории и культуры.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Уральского государственного лесотехнического университета.

Редакционная коллегия: канд. ист. наук Е.В. Бородина, канд. ист. наук Е.Ю. Литвинец, канд. ист. наук А.В. Чевардин

УДК 316.32 (470+571)

ББК 60.550

ISBN 978-5-94984-447-2

© Уральский государственный
Лесотехнический университет, 2013

© Авторский коллектив, 2013.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии.....	4
---------------------	---

Повседневность в историческом контексте

<i>Бородина Е.В.</i> Брачно-семейные отношения в России первой четверти XVIII в.	5
<i>Верзилов С.М.</i> Лес и лесная политика России в 1990 – 2011 гг.....	8
<i>Каменских М.С.</i> Этнокультурные процессы в среде корейцев, высланных в Пермскую губернию в годы русско-японской войны	15
<i>Кузнецова О.В., Смолина Н.С.</i> Советская открытка 60 - начала 90-х гг. XX в. ...	18
<i>Литвинец Е.Ю.</i> Традиционное правосудие и судебная реформа 1864 г.: попытки создания новой правовой культуры в России.....	24
<i>Ляхудзаев М.И.</i> Политическая деятельность левого эсера Н.П. Пономарева в Казани в июле 1918 г.	28
<i>Палкин А.С.</i> Случай «хулиганства» в единоверческой церкви Нейвинско-Рудянского завода в 1861 г.....	31
<i>Пухов Д.Ю.</i> Основные показатели лесохозяйственной деятельности и лесопользования в уральских казенных горнозаводских округах в XX в.....	35
<i>Соловьева В.В.</i> «Что положено начальнику...»: к проблеме социальной дифференциации на советском предприятии военного времени (по материалам Урала)	40
<i>Чевардин А.В.</i> Польский вопрос в деятельности Свердловского областного отдела народного образования в 1939 – 1945 гг.	42

Социокультурные аспекты повседневности

<i>Боровских Л.Л.</i> Проблемы окружающей среды и экономическая безопасность в России	49
<i>Исламова А.Ф.</i> Реализация потребностей человека в условиях городской среды.....	50
<i>Калистратова Е.А.</i> Типизация в мире повседневности	54
<i>Киселева Л.А.</i> Правовой инфантилизм и правовой нигилизм	59
<i>Кричевцова Н.Е.</i> Симулякры идеологии общества глобального потребления	61
<i>Новикова О.Н.</i> Игровой контекст русской дворянской культуры.....	65
<i>Помазуева Т.Н.</i> Карьерный менеджмент в современной России	71
<i>Соколова Л.А.</i> О роли образования в современном мире	73
<i>Тюляева Л.М.</i> Повседневность русского человека в контексте глобализации	76
<i>Шмелев В.Д.</i> Лев Толстой об истинном пути жизни.....	79
<i>Шумкова В.А.</i> Медиапространство как сфера функционирования мифа ...	83
Сведения об авторах	87

От редколлегии

Сборник, предлагаемый читателю, посвящен одной из популярнейших тем социально-гуманитарных наук. Изучением повседневности занимаются как историки, так и социологи, культурологи и философы, психологи и этнографы. На сегодняшний день широкое исследование повседневных практик многообразных культурных сообществ оказалось столь актуальным, что привело к осознанному использованию фрагментов из истории повседневной жизни людей разных эпох и этнических общностей на уроках в школе. Для студентов высших учебных заведений социальных и гуманитарных направлений теория и история повседневности включается в качестве специальной дисциплины в учебные планы. Человек в его повседневной жизни становится более интересным, чем закономерности социального, политического, экономического или культурного развития человечества.

Значительный фактический и теоретический материал позволяет обращаться к данной теме вновь и вновь как маститых исследователей с мировым именем, так и молодых ученых. Несмотря на это, теоретики и историки повседневности часто обращают внимание на отсутствие единого подхода к рассматриваемой проблематике. Сущность повседневности и предмет ее изучения разнятся.

Цель организации первой всероссийской конференции, проводимой на базе Уральского государственного лесотехнического университета, «Российская повседневность: история, современное состояние и перспективы развития» – выявить наиболее распространенные подходы к изучению феномена повседневности, как в историческом ракурсе, так и с точки зрения быта и рутинной жизни современного человека. Определение сути и эффективности применения разного рода взглядов на повседневность послужит взаимному обогащению деятельности ученых всех областей социально-гуманитарного знания, обративших свой взгляд к этой интересной теме. Обмен опытом создаст благоприятные условия для возникновения междисциплинарных исследований.

Так как 2012 год получил название «Год истории» в России, значительная часть статей книги посвящена реконструкции повседневных практик близких нам и далеких эпох российской истории. Вторая часть сборника «Социокультурные аспекты повседневности» объединила работы философов, социологов, правоведов, психологов и педагогов, рассматривающих повседневность с точки зрения бытия современного человека.

Несмотря на многоликость повседневности и повседневных практик прошлого и настоящего, представленных в статьях сборника, все частные случаи из жизни оказываются хорошим средством для выявления закономерностей развития российского общества.

Повседневность в историческом контексте

УДК 94(47).066

Е.В. Бородина
УГЛТУ, Екатеринбург

БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.*

Первая четверть XVIII в. стала переломным периодом в истории России. Деятельность первого российского императора Петра I коснулась всех сфер жизни общества. Среди перемен этого времени можно назвать и трансформации в институтах брака и семьи. Регулирование внутрисемейных отношений стало проводиться как от имени церкви, так и от лица государства.

Эта тенденция нашла проявление как в указах Петра о порядке вступления в брак, так и в создании органа по управлению церковью – Синода. Новые указы о брачно-семейных отношениях не только запрещали родителям принуждать детей ко вступлению в брак, но и предписывали прекратить составление различного рода рядных и сговорных записей, где определялись условия и подробности вступления в брак, стоимость приданого, вид и размер неустойки за нарушение одного из условий.

Как отмечает ряд исследователей, составление и подписание сговорных и рядных записей являлось важной частью обручения в XVII в. Таким образом, процедура вступления в брак в первую очередь определялась как имущественно-правовая сделка, которой предшествовал период обручения и знакомства жениха и невесты [1]. В XVIII в. эта сделка стала носить глубоко церковный характер, не имела никаких имущественных оснований.

Несмотря на данное заключение, в руках историков находится большое число источников, которые подтверждают активное использование сговора как процедуры, которая служила гарантией заключения брака и в первой четверти XVIII в. Таким образом, упоминаемое явление требует дополнительного изучения и анализа. Требуется составить о нем более точное представление и определить роль членов семьи брачующихся при заключении брака. Как указала Н.В. Козлова, исследование этих документов связано со значительными трудностями, вызванными разбросанностью и разрозненностью данного вида источников [2]. Тем не менее, историку удалось собрать около сотни сговорных грамот, которые были опубликованы в сборнике «Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы» в 2002 г.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ ГК 02.740.11.0578.

Цель нашего сообщения – произвести изучение приведенных в сборнике документов и выявить основные тенденции развития заключения брачного союза в начале XVIII в.

Почти половина представленных сговорных грамот (56) датируются 1700–1725 гг. Их тексты являются хорошей иллюстрацией изменений политических и социально-экономических реалий, произошедших в первой четверти XVIII в.

В предшествующее столетие сговорные грамоты представляли собой договор об обручении между родителями (родственниками) невесты и женихом, в котором прописывались время и место заключения брака, размеры приданого и неустойки. В начале XVIII в. наблюдаются некоторые трансформации формуляров этих документов. Даже в грамотах, составленных до отмены рядных и сговорных в 1702 г., не всегда прописываются обязательные ранее условия неустойки. Постепенно в сговорных грамотах перестают упоминаться и сроки заключения брачного союза. В качестве основного условия договора, как и ранее, выступает лишь соглашение о приданом, размер которого оглашался при нескольких свидетелях.

Данные трансформации формуляра можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, составление крепостей становится распространенной процедурой оформления всякого рода отношений, которой начали пользоваться даже небогатые слои населения, не имевшие возможности выплачивать большие неустойки при расторжении договора. Во-вторых, сговорные грамоты постепенно становятся не столько договором о заключении брака, сколько брачным контрактом, определявшим дальнейшие условия взаимодействия как внутри вновь созданной семьи, так и с ее родственниками.

Описанная тенденция не является удивительной. Очень большой процент проанализированных нами грамот регулирует условия вступления в повторный брак вдов (36 %). Несмотря на то, что заключение вторых и третьих браков не одобрялось церковью, уже в XVI – XVII вв. женщины осознанно шли на нарушение существующего общественного порядка. Как отмечает Н.Л. Пушкарева, отношение в обществе к новым бракам вдов было в целом терпимым и являлось индивидуальным в каждом случае [3].

Вдову могли выдать замуж как родственники мужа, так и ее родные «по крови». По-видимому, такое разнообразие лиц, которые заключали брачный договор от имени женщины, был обусловлен отношениями, складывавшимися между кровными родственниками и родственниками «по закону»: возвращалась она жить к родителям и братьям или же оставалась помогать по хозяйству новым родным.

Немаловажным фактором, определявшим содержание сделки, являлась проблема наличия детей у женщины, вышедшей замуж. Как показывают документы, в таком случае наследники по линии умершего мужа оставались на попечении его родных. Таким образом, вышедшая замуж

женщина и ее будущий муж освобождались от имущественных обязательств по воспитанию и содержанию «чужих» отпрысков.

С 1717 г. в текстах сговорных грамот в качестве обязательного пункта появляется положение, прояснявшее вопрос о выплатах долговых и тягловых обязательств: «а ежели ... объявятца в которых ни есть приказах государевы какие доимки или по крепостям и по роспискам, также и без крепостей чьи долги или кто чего учнет взыскивать на ней ... по порукам». Возникновение данного пункта, по всей видимости, было обусловлено ужесточением государственной политики в области налогообложения (именно в конце 1710-х гг. начинается проведение податной реформы) и окончательным оформлением крепостного дела в России. Не случайно, например, в земскую контору города Кунгура участились обращения вдов с просьбами о снятии тягла и податей с их хозяйства [4]. Вопрос о выплатах однозначно решался в пользу вступающих в брак. Все долги по обязательствам бывшего супруга обязывались выплачивать его родственники, а также поручители, присутствовавшие при подписании сговорной грамоты. Женщина и ее новый избранник освобождались от какой бы то ни было кабальной зависимости.

Кроме того, вдовы достаточно часто становились участницами договоров о заключении брака. Они выдавали замуж своих дочерей (23 %), а время от времени от своего имени «сговаривались» на брак с тем или иным лицом (9 %).

Таким образом, повседневная жизнь России начала XVIII в. оказала значительное влияние на юридическую практику крепостных контор страны. Несмотря на запрет составления сговорных записей, они продолжали регистрироваться, так как во многих случаях ими можно было отрегулировать новые области отношений, возникших в результате реформ Петра Великого. Анализ содержания сговорных грамот дает информацию для изучения процесса эмансипации русской женщины.

Библиографический список

1. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – н. XX вв.). Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 44.
2. Козлова Н.В. Введение. Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Составление, вводная статья и комментарии Н.В. Козловой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. С. 9.
3. Пушкарева Н.Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница. М.: Изд-во «Ломоносов», 2011. С. 31.
4. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1015. Оп. 1. Л. 125-129.

УДК 630.903 (470+571)

С.М. Верзилов
УГЛТУ, Екатеринбург

ЛЕС И ЛЕСНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В 1990 – 2011 гг.

В России ни один природной ресурс так безжалостно и варварски не уничтожается, как лес. Это происходит потому, что для многих лес понимается прежде всего как товар и поставщик древесины. Но надо помнить и о другом. Лес – это климат. Лес – это кислород. Лес – это вода. Лес – это среда обитания животных. Лес – это жизнь и здоровье людей. Лес – это ретранслятор влаги и природный кондиционер, и многое другое.

В 1990 г. проходил Всесоюзный съезд лесничих, единственный за всю историю советской власти. На съезде представители лесного хозяйства обратили внимание руководства страны на то, что проведение концентрированных сплошных рубок ведет к снижению качества лесов, а также на отсутствие высокотехнологичной переработки древесины. Критически оценивая ситуацию в лесном комплексе страны, премьер СССР Н. Рыжков отметил, что во многих регионах вместо лесозаготовок идет истребление лесов. Правительство было намерено увеличить ассигнования на развитие глубокой переработки древесины и изменить структуру управления отраслью.

Вскоре было проведено отделение лесопромышленной отрасли от лесного хозяйства. Общий смысл изменений подводил к мысли о необходимости усиления регулирующей роли государства и о том, что лесная отрасль, должна финансироваться из доходов, которое государство получает от эксплуатации лесов.

Провозглашение Россией независимости, последующий распад СССР определили другой вектор развития лесного сектора России. Все началось с желания политиков сделать нашу экономику рыночной. Применительно к лесу реформаторами был выбран самый простой путь – заменить государственную форму собственности на частную. Первым шагом стала ликвидация в 1991 г. Министерства лесного хозяйства, передача его функций Комитету по лесу, а затем Федеральной службе лесного хозяйства, которая в 2000 г. также была ликвидирована. Управление лесами было сосредоточено в Министерстве природных ресурсов (МПР) России.

В последующее десятилетие Правительство продолжало реформирование управления лесным хозяйством. Рослесхоз был передан в подчинение Министерству сельского хозяйства, в силу некомпетентности сотрудников МПР в лесном хозяйстве, а в 2010 г. после трагических событий, связанных с лесными пожарами, переведен в непосредственное подчинение правительству.

Каждая новая система управления лесами сводилась к децентрализации, снижению роли государственного управления. Если во всем мире наблюдалась тенденция усиления государственного регулирования в управлении лесным фондом, то в России набирал обороты обратный процесс. Так, из 2,7 млн. предприятий и организаций в 1997 г. в федеральной и муниципальной собственности осталось 297 тыс. или 11 % предприятий [1, с. 6].

В связи с распадом СССР и переходом России к рыночным отношениям (январь, 1992 г.) начинается разработка нового Лесного кодекса. При обсуждении Кодекса возникли разногласия. Аграрники, Министерство обороны, МВД и МБ настаивали на выделении лесов в их собственность. Специалисты по лесу и экологи отстаивали идею, что у лесов должен быть один собственник – государство. Окончательный вариант кодекса был рассмотрен на Совете Республики 20 октября 1992 г. и принят как «Основы лесного законодательства». Название документа отражает суть возникших разногласий.

Принятие данного нормативного акта проходило в условиях начавшегося перехода к капитализму и внедрению рыночных отношений. «Основы» запрещали низовым органам – лесхозам – права рубок главного и промежуточного пользования, разрешались лишь рубки ухода и санитарные рубки. Вводилась аренда лесов, право на которую предоставляли местные органы власти, впервые вводились лесные подати, призванные обеспечивать наполнение местных бюджетов. Формы и размеры податей определялись муниципальными органами. «Основы» сохранили, как самостоятельную форму собственности, колхозные леса и леса муниципальных образований, а это значило, что в ближайшее время начнется их уничтожение. «Основы» не запрещали создание совместных предприятий иностранных государств и российских. Вместо Комитета по лесу была создана Федеральная служба лесного хозяйства.

Принятие «Основ» предполагало наведение порядка в лесной отрасли, но этого не произошло. Лесозаготовительные предприятия были приватизированы. В рыночной суматохе все думали лишь о прибыли, последствием которой стало масштабное истребление лесов, связанных с законными и незаконными рубками и экспортом круглого леса за рубеж.

Незаконные рубки – значимый фактор в мировой лесной торговле. Например, в импорте древесины странам Европейского союза присутствует 50 % незаконно заготовленной тропической древесины и до 20 % - бореальной древесины. Бореальная древесина в основном поставляется из России. Незаконные лесозаготовки охватили к 2002 г. 70 стран мира. По данным Всемирного фонда природы за 2002 г. незаконные рубки в районах только российского Дальнего Востока составили 1,5 млн. м³. [2, с. 350].

Среди множества причин, обусловивших увеличение объемов незаконной рубки и экспорта круглого материала, можно выделить две глав-

ных. Первая связана с внешним рынком, на котором сложился устойчивый спрос на незаконно заготовленную древесину, поскольку она всегда дешевле. Вторая – с реформами лесного хозяйства, в результате которых был упразднен специализированный федеральный орган государственного управления лесами, что привело к утере управляемости и утрате контроля над лесопользованием.

Главными рынками круглого леса, в том числе и незаконно срубленного, являются Европа, Китай, Япония, Республика Корея. До 1990 г. потребности перечисленных стран на дешевую древесину удовлетворялись, в основном, за счет поступления из стран АТР. Однако принятие ООН ряда документов, направленных на сохранение тропических лесов, обеспечение экологической безопасности с помощью критериев и индикаторов, лесной сертификации, изменили ситуацию. В итоге внимание перечисленных выше стран было перенесено к лесам России.

С 2000 г. в России начинаются реформы по централизации и усилению вертикали федеральной власти. В области управления лесами это выразилось в концентрации всех управленческих функций в МПР. В силу слабой компетентности работников МПР в области лесного хозяйства, с 2001 г. четко проявляться тенденция отхода государства от контроля над пользованием леса в стране. Реформа способствовала росту незаконных рубок, а государство в лице МПР, стало принимать недальновидные, а порой вредные решения в управлении лесным хозяйством. В 2003 г. Государственная Дума внесла изменения в Лесной кодекс, которые разрешали беспрепятственное строительство коттеджей, дач на территории лесов, относящихся к первой группе защищенности, обеспечивающие экологическую безопасность населения. Изменения принимались без присутствия первых лиц МПР, в итоге были попораны интересы государства и значимость лесов.

Действия, распоряжения федерального органа управления лесами (МПР) не воспринимались ни лесозаготовителями, ни переработчиками древесины, ни предпринимателями. Рост незаконных рубок – свидетельство того, что управление лесным хозяйством практически было утрачено.

Для эффективного управления лесным хозяйством необходимо каждые 10-15 лет обновлять информацию о состоянии лесов. Информация необходима для осуществления контроля: ведение лесного кадастра, мониторинга, аренды, лесных торгов и аукционов; реализации планов по восстановлению лесов, борьбы с пожарами.

О потере эффективности управления лесами свидетельствует и низкая шкала цен на русский лес. Плата за древесину на корню составляла в 2001 г. 2-5 % за один м³. Попытки Правительства России повысить стоимость леса на корню, встречают противодействий магнатов лесной промышленности.

В итоге лесозаготовительная промышленность Сибири и Дальнего Востока в рамках рассматриваемого времени существует за счет экспорта

круглого леса. Компании по заготовке древесины считают, что выгоднее экспортировать бревна, а не продавать их российским перерабатывающим заводам. В результате такого подхода в 1997 г. круглый лес составлял 85 % общего объема производства, в 2000 г. этот показатель достиг до 90 %. Около 68 % этой древесины идет на экспорт в Японию, 25% – в Китай [2, с. 365].

Развитие событий вызывает беспокойство даже у иностранцев. Дэвид Гордон, американский эксперт по лесу, на международной конференции в Швеции отметил, что зарубежные компании закупают лес в России по три доллара за кубометр, в то время как в США аналогичный объем стоит 70 долларов.

Поскольку лесов в центральной России значительно меньше, чем в восточных районах, то здесь истребление лесов приняло несколько иной характер. В 1993 г. вышел указ президента Б. Ельцина «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы». Указ устанавливал изъятие из лесного фонда лесных земель первой группы для ведения садоводства, огородничества, индивидуального жилищного строительства с разрешения Правительства РФ. Указ Президента, по своей сути популистский, не помешал Правительству им воспользоваться. Массовым явлением стало отведение земель под строительство дач и сведение лесов. Например, Мослесхозом было выставлено на аукцион в Истринском, Одинцовском районах и престижной Рублевке 991 га. В аукционе принимали участие узкий круг лиц: Р. Абрамович получил 397 га. земли, А. Шохин – 2 га. Среди счастливиц оказались актриса Юлия Рутберг, депутаты Государственной думы Н. Гоголь, Н. Комарова. Олигархи заплатили за землю и лес в 1200 раз меньше, чем полагалось. Ущерб государству составил 4,35 миллиарда руб. [3, с. 21]. Аналогичные процессы наблюдались и в других субъектах федерации, включая Свердловскую область.

В 1996 г. на заседании Государственной думы РФ рассматривался вариант первого отечественного Лесного кодекса. В процессе обсуждения было внесено предложение Правительству, восстановить упраздненное Министерство лесного хозяйства, а также включить статью об экологическом сертификате для всех лесопромышленников. Предложения были отклонены.

Следующим шагом, связанным с деградацией Российских лесов стало принятие Государственной Думой в 2007 г. нового Лесного кодекса. Кодекс сохранял федеральную собственность на леса, но в тоже время отдавал их в ведение субъектов РФ; предоставлял неограниченные права арендатору, увязав эти права с задачей восстановления лесов. Наилучшей формой организации хозяйственной деятельности было принято считать вертикально интегрированные структуры. Эти структуры, как считали разработчики кодекса, смогут обеспечить не только эксплуатацию лесов, но их воспроизводство. В контексте указанной идеи ликвидировались лесхозы и

службы по охране лесов. К сожалению, положительных тенденций не наблюдается. Незаконные рубки леса быстро возросли, и уже в 2008 г. было зафиксировано 50 тысяч случаев, увеличилось и число пожаров в лесах.

Что мешает усилению государственного регулирования в области лесопользования? Прежде всего, это миф о недорубе в лесу, связанный с расчетной лесосекой и ее освоением. Суммарный ежегодный прирост древесины составляет 1 млрд м³, а средний показатель ее заготовки за период с 1998 по 2009 гг. составил 170 млн м³ в год [3]. Вырубка спелых деревьев считается благом для экологической системы. Главную роль в формировании подобного мнения играет лесная мафия, которую интересует прибыль, а не экологические или другие факторы, в частности, вырубаются доступные леса и наиболее ценные хвойные и твердолиственные породы древесины. Лесопромышленникам удалось убедить Правительство и думцев, что арендатор сможет более эффективно распорядиться зеленым богатством, и даст импульс развитию деревообработки. Последующая проверка ряда холдинговых компаний показала, что они уделяют недостаточно внимания воспроизводству лесов, равным образом и обновлению основных производственных фондов. В итоге, арендатор – как хозяин в лесу, не смог остановить расхищение лесного богатства и дать государству внушительный доход.

В 2009 г. В. Путин посетил Дальний Восток России, здесь он узнал, что китайцами построено 12 больших ЦБК вдоль нашей с Китаем границей и создано 2 млн. рабочих мест, а на территории России за двадцать лет не построено ни одного ЦБК. Потребности Китая на 50 % покрываются за счет поставок с Дальнего Востока и Сибири. Реакцией стало заявление о прекращении экспорта круглого леса, поэтапном повышении вывозных пошлин на необработанную древесину и снижении цен на импорт ввозимой техники. Ознакомившись с положением дел на дальних просторах страны, В. Путин обратил внимание предпринимателей на необходимость организации глубокой переработки древесины в России. Свою позицию В. Путин обосновал тем, что глубокая переработка в России составляет всего 20 %. Для сравнения привел данные: в Японии – 100 %, Финляндии и Швеции – 85 % [4, с. 22]. Наступление на интересы лесных баронов поддержали известные политики – Б. Грызлов, В. Зубков и др., мнение которых сводилось к тому, что Россия не может оставаться сырьевой базой для развитых стран. Из 130 млн. м³ легального экспорта необработанной древесины 50 млн. м³ приходится на Россию, а экспорт картона бумаги составляет всего 2 % от мирового [4, с. 23].

Однако у лесопромышленников осталась прежняя точка зрения – не мешать вывозить круглый лес за границу. Свою позицию они мотивировали тем, что сокращение экспорта круглого леса может привести к потере рынков сбыта. Главы отечественных крупнейших корпораций «Илим Палм Энтерпрайз», «Монди Бизнес Пейла», «Леспром Индастри Консалтинг»

заверили власть, что смогут поднять отечественный бизнес на более высокий уровень. Правительство в очередной раз пошло навстречу бизнесу.

1 апреля 2009 г. Правительством было принято решение о запрете экспорта круглого леса, величина пошлины легального экспорта определялась в 50 евро за м³, что означало резкое снижение рентабельности экспорта круглого леса. Это вызвало мощный резонанс у мирового сообщества. Последовали заявления, что Россия не может в одностороннем порядке принимать подобные решения. С таким поведением в ВТО не вступают. Оно и понятно. Наша страна на 40 % обеспечивает предложения необработанной хвойной древесины на мировом рынке. Премьер-министр Финляндии на встрече с В. Путиным намекнул, что Финляндия может не дать согласия на проводку через ее территорию газопровода «Северный поток», имеющего стратегическое значение для России. Вслед за Финляндией с заявлениями протеста выступила Швеция, Китай, Япония. Последняя заявила, что будет покупать кругляк только по прежним тарифам. В сложившейся ситуации правительство России вынуждено было пойти на уступки и прежде всего Финляндии. Для нее были снижены пошлины на листовенную балансовую древесину для предприятий ЦБК.

В соответствии с действующим Лесным кодексом управление лесами (аренда, определение стоимости рубки на корню, аукционы, восстановление) было передано в ведение структур субъектов федерации. Первоначально эта идея была встречена субъектами с восторгом, поскольку многие считали, что создаются условия для наполнения местных бюджетов. Однако исполнение полномочий (проведение межевания, составление и ведение кадастрового учета и мониторинга, оформление соответствующих документов на аренду) требовало времени и больших финансовых затрат около – 5 млрд. руб. Федеральное Правительство отказало в финансировании данных работ, считая, что они должны оплачиваться из местных бюджетов. Возникшие проблемы, дополненные нерасторопностью местных властей, привели к большим нарушениям как законодательства, так и ведения лесного хозяйства. Основным видом лесопользования стала не аренда лесов, а их купля-продажа. Особенностью стало увеличение численности лесных пожаров. Сложилась интересная ситуация: регионы стали доказывать Правительству, что они не справляются с предоставленными им полномочиями по организации использования лесов, их охране, защите и воспроизводству, а также осуществлению государственного лесного кадастра и надзора. На местах власть предпочитала заключение не договоров аренды лесных участков, а договоров купли-продажи участков леса. Результатом стало резкое ухудшение организации рационального неистощительного лесопользования в стране. Как следствие, на смену пришли коррупция, пожары, уничтожение ценных пород древесины, браконьерские рубки.

Реакцией Правительства стало не изменение статей Лесного кодекса, а передача Рослесхоза из ведения МПР в ведение Министерства сельского

хозяйства. Масштабные лесные пожары 2010 г., ущерб которых по некоторым данным составил 450 млрд. руб., показали полную несостоятельность лесной политики государства, нужны были кардинальные изменения, но их не произошло. Наиболее существенным решением стало переподчинение лесного хозяйства непосредственно Правительству. По поручению президента Д. Медведева в Государственной думе была создана рабочая группа по пересмотру действующего Лесного кодекса. Среди предложений были: создание Министерства, сделать хозяином леса не арендатора, а лесника, возродить лесничество, остановить уничтожение кедровых лесов на Дальнем Востоке. Предложения были заслушаны, рабочая группа по пересмотру Кодекса даже не отчиталась перед Думой о своей работе. Однако фракцией партии «Единая Россия» было внесено на рассмотрение Думы предложение, направленное на расширение прав и полномочий регионов.

В итоге действующее лесное законодательство окончательно сломало сложившуюся ранее систему управления лесами, упразднив лесхозы и государственную лесную охрану. Заменяв разрешительный принцип лесопользования на заявительный, кодекс открыл широкий доступ бизнесу, в том числе непрофессиональному и коррумпированному, к лесным ресурсам.

Несмотря на то, что кодекс устанавливает федеральную собственность на пользование лесными ресурсами, проблема земель лесного фонда решается в рамках Земельного и Гражданского кодексов. По земельному законодательству допускается любая форма собственности на любые земельные участки, включая заповедники. Стоит коммерсанту (законным или незаконным способом) перевести участок лесных земель в нелесные, ему открывается возможность его приватизации и строительство любого объекта. В данном случае экологическая составляющая лесного участка переводится в экономическую, а лес на данном участке становится товаром и недвижимостью. 3 апреля 2012 г. президент Д. Медведев выступил с инициативой о внесении в Гражданский кодекс положений, предоставляющих любым арендаторам на федеральных и муниципальных лесных участках право застройки. Принятие Думой поправок рассматривается как лучший способ помочь коррупции в поисках лазейки «справедливого суда», очередной шаг к установлению частной собственности на леса.

Итак, негативных примеров о незаконных рубках, коррумпированности власти и бизнеса, браконьерстве, продажности чиновников разных уровней в современной лесной политике РФ достаточно много, но предавая интересы Леса – предаются и интересы России.

Библиографический список

1. Агатьев В.В. Проблемы рационального управления использованием природных ресурсов (на примере лесопользования). М.: Паритер Граф, 2001.

2. Лесное хозяйство России: от пользования – к управлению. М.: Юриспруденция, 2004.

3. Зубков В.А. Роль государства в развитии лесного комплекса России // Вопросы экономики. 2010. № 6. С. 118 – 126.

4. Грешневиков А.Н. Спасем русский лес. Хроника лесной политики Российской Федерации. Конец XX – начало XXI в. М.: Книжный мир, 2011.

УДК 94(47).083.4

М.С. Каменских
ПГПУ, г. Пермь

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДЕ КОРЕЙЦЕВ, ВЫСЛАННЫХ В ПЕРМСКУЮ ГУБЕРНИЮ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ¹

В годы Русско-японской войны 1904-1905 гг. Пермская губерния была одним из мест содержания депортированных народов, высланных с театра военных действий. В январе 1905 г. петербургский журнал «Нива» писал: «Когда вспыхнула на Дальнем Востоке война, всем проживающим в районах боевых действий, корейцам и японцам было предложено немедленно выехать в свое отечество. Но некоторые из них не пожелали или не смогли вернуться туда, и тогда их отправили внутрь России» [1].

В результате в течение почти полутора лет в провинциальном российском обществе (Пермской губернии) начала XX в. существовало несколько этнических групп: корейцы, китайцы и японцы, которые по причине войны были вынуждены искать способы адаптации в иноэтнокультурной среде. В фондах Государственного архива Пермского края содержится несколько томов ранее не публиковавшихся документов, позволяющих реконструировать особенности быта водворенных в Прикамье в указанный период: это и регулярно отправляемые в Департамент полиции МВД отчеты пермского губернатора, полицмейстера и уездных исправников губернии, прошения и письма самих «пленников». Отдельный интерес представляют составлявшиеся ежеквартально «Требовательные арестантские ведомости», куда заносились сведения о возрасте, поле, роде занятий водворенных [2]. Важную информацию для исследования содержат материалы провинциальной печати того времени, в частности, газета «Пермские губернские ведомости». В этом издании видна реакция российского общества на появление в своей среде инородцев.

¹ Исследование выполнено в рамках реализации гранта РГНФ «Этническая миграция в Прикамье в советский и постсоветский периоды» № 2-11-59002 от 21.09.2011.

Наиболее интересным эпизодом, связанным с пребыванием водворенных на Урале, является массовое принятие пленными корейцами православия. Следует отметить, что исследователи данного периода не раз отмечали факты принятия корейцами, в отличие от китайцев и японцев, в начале XX в. православной веры [3]. Данная статья посвящена анализу этого процесса в Пермской губернии в годы Русско-японской войны.

В первые месяцы всем водворенным корейцам было трудно привыкнуть к новым условиям жизни. Об их реальном положении отчасти свидетельствуют те письма, которые они писали на имя губернатора. В своих обращениях корейцы часто ссылались на отсутствие работы и нехватку казенного пособия. Так, например, 10 сентября 1904 г. корейцы Иван Игури, Иутиро Боги, Ходан Чуне попросили переселить их из Соликамска в Пермь, так как «не способны к черным работам», а 6 октября к губернатору обратилась группа из 6 корейцев с просьбой предоставить им квартиру и повысить кормовые до 15 копеек в сутки. Кореец Чинь Юту Ча просил у губернатора займа 20 рублей на покупку товаров для открытия бакалейной лавки. Деньги обещал вернуть от полученной прибыли [4].

Находясь в сложной жизненной ситуации, некоторые корейцы выступили с инициативой изучения русского языка. Так, 8 октября 1904 г. корейцы Хан Де Зун и Чун Бу Чи обратились к губернатору с просьбой определить их в какую-либо народную школу г. Перми для изучения русского языка. 4 ноября 1904 г. директор уже спрашивал у губернатора разрешения допустить корейцев в качестве слушателей на вечерние классы при Кирилло-Мефодиевском училище. Губернатор дал согласие. К концу года некоторые корейцы, изучавшие русский язык, изъявили желание креститься. Разрешения на принятие корейцами православия пермский губернатор А. Наумов лично испрашивал у архиепископа Пермского и Соликамского Никонора. Ответ был получен утвердительный [5].

В январе 1905 г. первые 8 корейцев приняли православие. Об этом факте позже написали «Пермские губернские ведомости» [6]. Просвещением пленнх корейцев занимался духовник семинарии священник о. Константин (Шестаков). Вот как описывается его работа в «Пермских губернских ведомостях»: «Отец Константин обыкновенно приглашает корейцев в семинарию и здесь ежедневно занимается с ними с двух часов дня до пяти часов вечера, обучая их чтению и письму на русском языке и знакомя их с вероучением православной церкви. Занятия его, как мы видим, не остаются безрезультатными: многие корейцы оставляют свои языческие заблуждения и изъявляют желание вступить в православную церковь. С последними отец Константин ведет особые занятия, он преподает им краткую священную историю, знакомя их с основными догматами христианской религии и учит главнейшим молитвам. Все корейцы, видимо, интересуются этими занятиями и число их возрастает» [7].

Всего православие к середине 1905 г. приняли 20 корейцев и одна японка [7]. Обратиться же в православие китайцев властям не удалось, во всяком случае, упоминаний об этом нет.

Мотивация для подобной подобного поведения со стороны корейцев может быть самой разной. С одной стороны, известно, что многие российские корейцы того времени принимали православие, чтоб получить русское подданство и земельные наделы [8]. С другой стороны, корейцы, крестившиеся в Перми, не были российскими, а некоторые и не относились к категории нуждавшихся. Вступление в православие можно объяснить также и кризисом идентичности корейцев в начале XX в., поскольку у них не было собственной государственности и они находились под сильным давлением Японии и Китая. Появление сильной Российской империи, способной конкурировать с Японией и Китаем, на Дальнем Востоке и в Маньчжурии, в частности, наверняка создавало в среде корейцев представления об успешности и внутренней силе Российского государства [9]. Можно предположить, что, попадая вглубь страны, они были готовы приобщиться к привлекательной для них российской системе ценностей через вступление в православие [10]. Тем более, что Россия весьма лояльно относилась к корейскому населению в конце XIX в. В самой Корее при царском дворе даже существовала «прорусская» группировка во главе с ваном Коджоном. Этот ход был своеобразным шагом к поиску идентичности, способной составить альтернативу давлению Японии и Китая. Конечно, данная причина не является единственной, и, вступая в православие, корейцы пользовались разными мотивациями, но данный фактор также мог оказать свое влияние.

Библиографический список

1. Корейцы в русской школе // Нива. 1905. № 10. С. 191.
2. Свод законов Российской империи в ред. 1892 г. Спб.: Кодификац. отд. при Гос. совете, 1892. Т. XVI. Ч. II. Ст. 513, 514.
3. Нестерова Е. Китайцы на российском Дальнем Востоке: люди и судьбы // Диаспоры. 2003. № 2. С. 7.
4. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 65. Оп. 5. Д. 10 а. Л. 322.
5. ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 11. Л. 58.
6. Крещение корейцев // Пермские губернские ведомости. – 1905. — 20 января.
7. О крещении корейцев // Пермские губернские ведомости. – 1905. 25 марта. С. 2.
8. Пак Б.Д. Переселение корейцев в Россию / Г.Н. Ли, Б. Цой, В.С. Чен, М.А. Югай // Энциклопедия корейцев России. М.: РАЕН, 2003. С. 131.

9. Пискулова Ю.Е. Российско-корейские отношения в середине XIX – XX вв. М.: Вост. лит. РАН, 2004. С. 70.

10. Симбирцева Т.М. Русско-корейские переговоры в Кёнхыне в 1869 г. и их историческое значение / Г.Н. Ли, Б. Цой, В.С. Чен, М.А. Югай // Энциклопедия корейцев России. М.: РАЕН, 2003. С. 155.

УДК 94(47).084.9

О.В. Кузнецова,
Н.С. Смолина
УрФУ, Екатеринбург

СОВЕТСКАЯ ОТКРЫТКА 60 – НАЧАЛА 90-х гг. XX в.

Интерес к «советскому», который демонстрируют в последние годы отечественные и зарубежные гуманитарии, связан с некой потребностью в проработке советского опыта, и потребность эта ощущается и старшими, и более молодыми поколениями. Любой постсоветский человек является носителем интеллектуального, культурного наследия из советского прошлого.

Обращение к сфере повседневности, ментальности и идентичности, акцентирование на анализе стратегий и практик поведения, норм, ценностей и ориентаций раскрывает новые возможности осмысления советской действительности. Анализ сферы повседневности выводит на первый план голос человека, реального участника социального процесса, а не только точку зрения власти и интеллектуалов. Понятие «повседневность» схватывает субъективность, отображает мир изнутри той или иной социальной реальности. В антропологическом разрезе «советское» проявляет свою неоднозначность, многогранность, уникальность, специфичность. В конечном итоге «советское» описывается через формы коллективного сосуществования в повседневности. В таком случае объектом анализа становятся повседневные, рутинные, ритуализированные типы поведения, «практики», выявляющие не только особенности коммунального бытия, но и бытия в коллективе вообще, главным образом, формы взаимодействия людей друг с другом, свойственные только советской действительности. Практики (телесные, поведенческие, культурные, языковые) - своего рода продолжение идентичности человека (в том числе коллективной), которое встраивается в «Я-концепцию» и одновременно подтверждает ее. Практики конституируют и воспроизводят коллективные идентичности, «раскрывают» основные способы социального существования, возможные в рамках конкретного социального пространства.

Традиция посылать открытки с поздравлениями – типичная советская практика второй половины XX в., через которую мы можем приблизиться к пониманию «советского человека», его аксиологии, советского ритуала.

«Открытка» – открытое письмо стало популярно во второй половине XIX – начале XX вв. После революции 1917 г., открытка рассматривалась как предмет буржуазного быта, ее популярность упала. Второе появление открытки приходится на 40-е гг. XX в. «Одни источники утверждают, что впервые они были изданы ограниченным тиражом к Новому, 1942 году. По другой версии, в декабре 1944 из освобожденных от фашизма стран Европы советские солдаты стали присылать своим родственникам невиданные доселе красочные иностранные новогодние открытки, и партруководство решило, что нужно наладить производство собственной, «идеологически выдержанной» продукции. Как бы то ни было, но массовый выпуск новогодних открыток начался только в 50-х» [1]. Советская открытка – огромный массив артефактов – остается малоизученным, особенно тексты. В нашем распоряжении было около 300 открыток, циркулировавших в семьях рабочих леспромхозов, бывших крестьян конца 50 – начала 60-х – начала 90-х гг. XX в.

Движение открыток демонстрирует коммуникационные сети советского человека. Направление движения открыток – чаще всего по линии от родственников к родственникам (степень родства различна), от друзей друзьям, от коллег коллегам.

Доминирующее количество открыток от родственников к родственникам не укладывается в картину «пролетария» с его «короткими» семейными связями. Это может объясняться тем, что адресаты и получатели, исследуемых открыток, несмотря на переезд из деревень в города и промышленные поселки, сохраняли крестьянский габитус. Габитус порождает практики (но не в духе жесткого детерминизма), представляя собой «матрицу» восприятия, позволяющую индивиду ориентироваться в социальном процессе и адекватно реагировать на различные события и ситуации.

Поздравления от родственников содержат пожелания счастья, здоровья, успехов в личной и трудовой жизни, хорошей учебы, весело провести праздник. Зачастую тексты трогательны и наивны, сопровождаются комментариями на какие-либо события, происшедшие в жизни «большой семьи», просьбы, благодарности (рис. 1, 2). Нами был замечен тот факт, что пожелания не зависели от праздника, будь то 7 Ноября, 1 Мая или Новый год (рис. 3). Праздничные даты – даты на календаре коммуникаций.

Тексты поздравлений открытые, сообщаются подробности семейной жизни. Это создает ощущение стирания границ личной жизни. Интересно, что в исследуемом объеме открыток крайне мало артефактов, связанных с днями рождения и в основном они относятся к позднесоветскому времени. Исследуемая группа открыток, как отмечалось ранее, связана с крестьянами, осевшими в основывающихся промышленных поселках и небольших городах Свердловской области 1960-х гг. Крестьянский габитус, да и стиль советской жизни, ставит общественное выше личного.

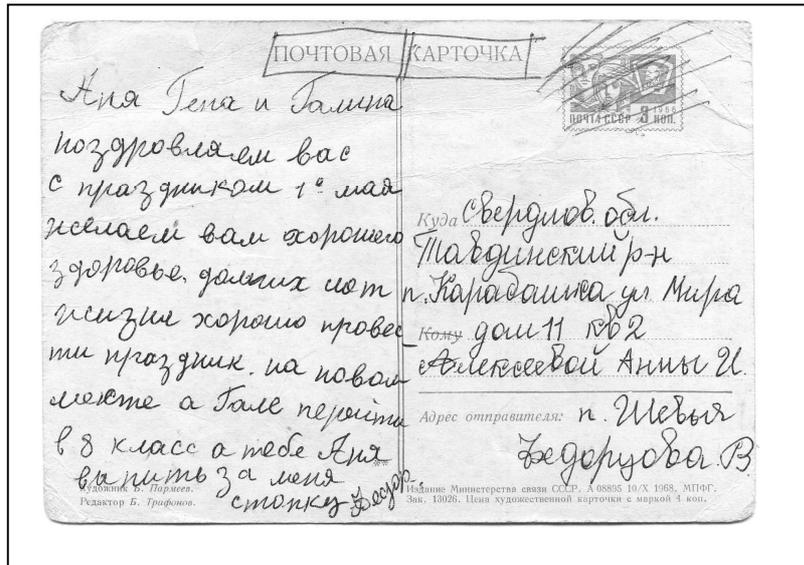

Рис. 1

Рис. 2

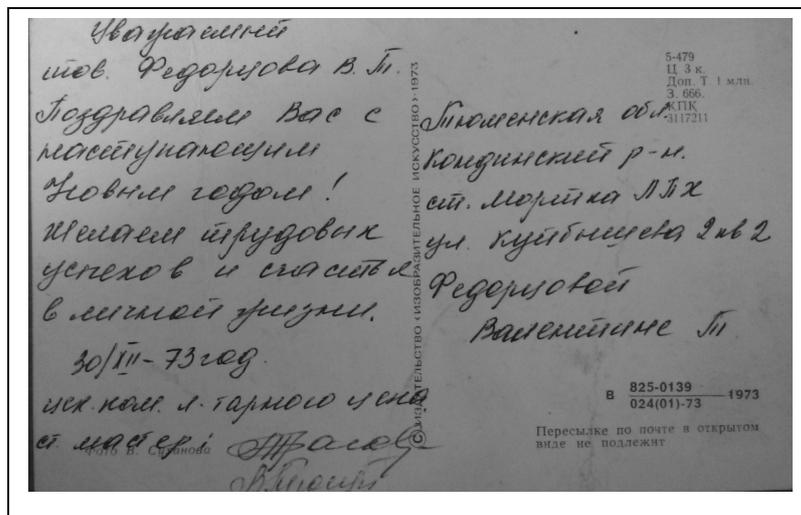

Рис. 3

В открытках прослеживается практика разделения в поздравлениях личной и трудовой жизни. Сама линия разделения одной единственной жизни человека на личную и трудовую может говорить об ощущаемом, но не обязательно осознаваемом конфликте. Это разделение может свидетельствовать о многом: неудовлетворенности трудом, процессе осознания личной значимости... Это сложный вопрос, ждущий ответа.

Особая группа открыток – школьные (рис. 4, 5). В нашей коллекции направление движения открыток было от ученика – к ученику, от взрослого – ребенку. Школьных открыток много. Ученик, ребенок через ритуал подписания открытки усваивал ценности общества.

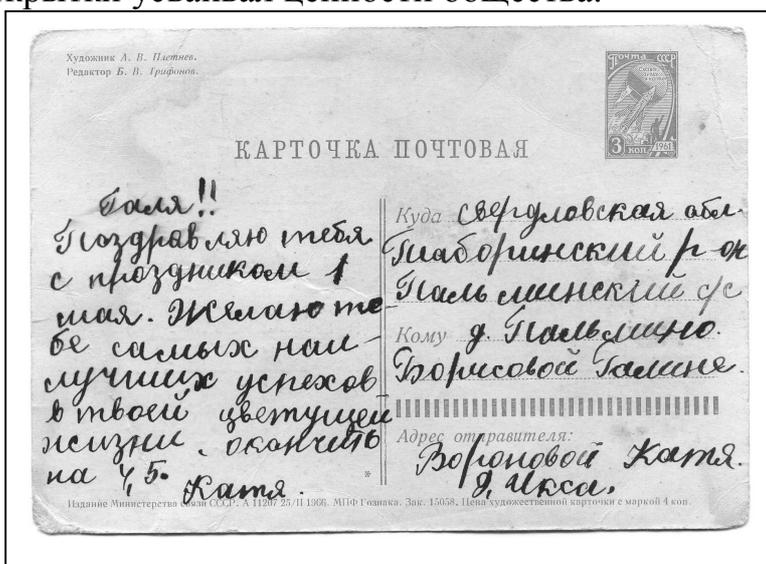

Рис. 4.

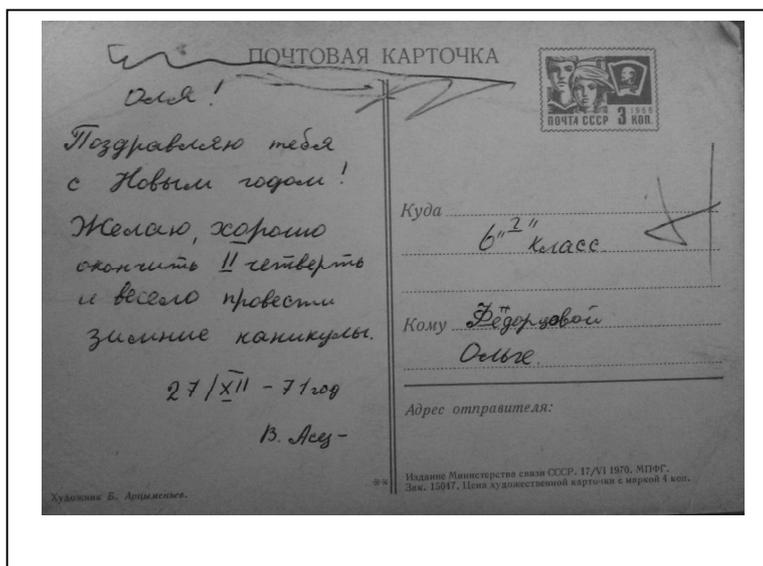

Рис. 5.

Мы пришли к тем же выводам, что и О.В. Шабурова: «в этой системе индоктринации, управлении субъективностью, центральным становится «учиться, учиться и еще раз учиться...». Это – ядро всей идеологии советской школы. Поразительно, но все пожелания и устремления участников

«открыточной коммуникации» отражают эту тему. Детям желают «хорошо учиться и слушаться взрослых» (дети сами желают этого друг другу). Учителям желают, чтобы все их ученики хорошо учились. Родители выступают с пожеланиями выучить, наконец, арифметику и перейти в следующий класс и т.д. Ценность учебы возведена в абсолют, а модель успеха советской жизни (и не только в школьной) определена успехами в учебе. Школьное поздравление выступает постоянным транслятором этой нормы. Этот элемент школьной повседневности встраивается в глобальную стратегию развития страны» [2, с. 100-101].

В открытках, особенно позднесоветских, отразилась повседневность с феноменом дефицита, финансовыми проблемами. Тон письма поменялся, стал тревожным (рис. 6–8).

Открыток времен перестройки, с 1985 по 1991 гг., почти не сохранилось. Те, что оказались в нашей коллекции, никак не свидетельствовали о «подъеме духа», скорее наоборот (рис. 6–8).

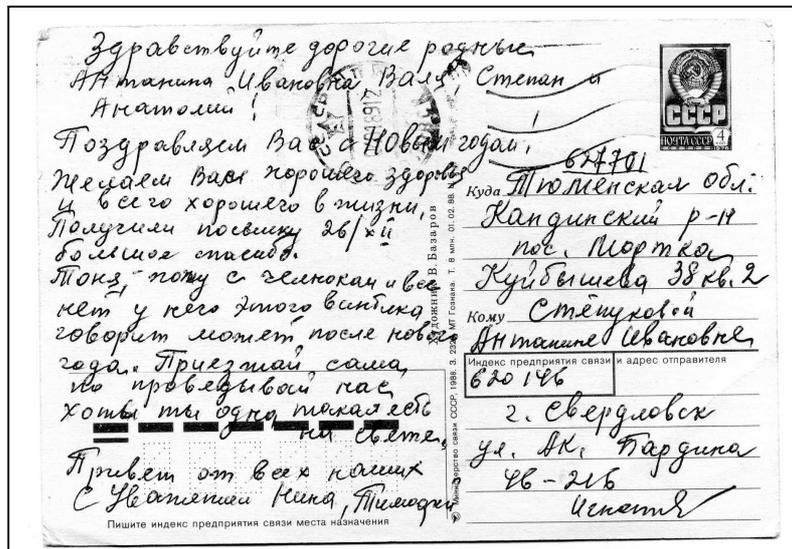

Рис. 6.

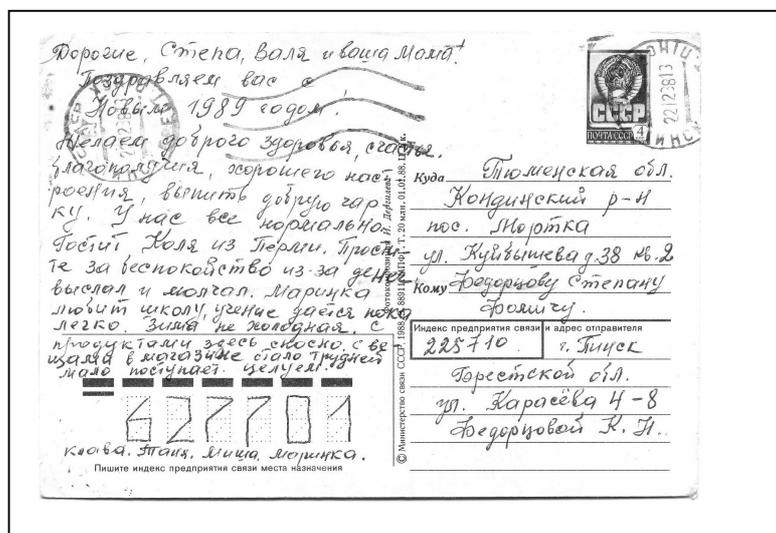

Рис. 7.

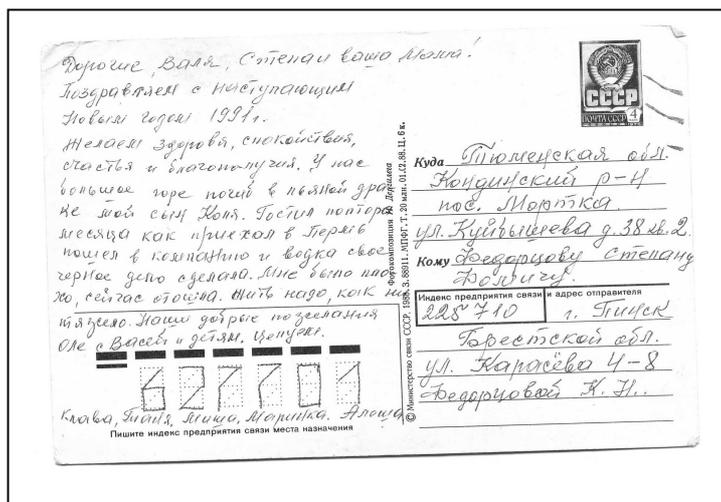

Рис 8.

В открытках начала 1990-х гг. много текста. Тексты начинают напоминать современные sms. Вероятно, это связано с ростом стоимости почтовых и телефонных услуг, желанием передать происходящие изменения в жизни человека, выразить тревогу и растерянность. Создается впечатление, что представление о том, что нужно транслировать, в тексте если не утеряно, то размыто. Наблюдается начало кризиса коллективной идентичности – отражение в сознании человека несоответствия устоявшейся идентификационной модели и изменяющейся социальной реальности, понимание этого несоответствия переживается человеком как травма, которая проявляется на коллективном уровне. Кризис идентичности наступает в момент распада социальной системы, потери ценностных ориентиров, цементирующих сообщество. Дискурс кризиса идентичности переплетается с дискурсом травмы. Коллективная травма – это состояние, переживаемое группой как утрата, растерянность, в связи с проблемой социального изменения, социальной трансформации.

Почему открытка была столь популярна в советское время? Можно выделить несколько причин. Во-первых, дешевая открытка эффективно транслировала аксиологию, структуру коммуникаций советского общества, поддерживала связи. Во-вторых, картинка на одной из сторон открытки представляла ценность. Обычай сохранять «фряжские» потешные листы, лубок, бумажные иконы, фотографии, любое заинтересовавшее изображение и украшать им помещение был еще в царской России. Оказался этот обычай приемлемым и в СССР второй половины XX в. Открытки использовались в быту, ими оклевали сундуки, чемоданы, помещали под стекло наряду с фотографиями, украшали фотоальбомы. Позднее из открыток и скрепок стали делать межкомнатные шторы. Мы помним, как из открыток делали мозаику для детей. Дети коллекционировали открытки как картинки, использовали их как закладки. «Вторая жизнь» открытки делала быт

уютнее. В-третьих, открытка являлась подарком сама по себе. Как пишет О.В. Шабурова, «в советской школе практически не было подношений, материальный дух изгонялся. И только дешевая открытка за три копейки становится необходимой формой овеществления, опредмечивания отношений по линии "ученик – учитель"» [2, с. 120].

Библиографический список

1. Появление первых советских открыток [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mirpoz.ru/ru/publications/history/detail.php?BID=31&ID=1103>

2. Шабурова О.В. Школьная открытка как ритуал и дисциплинарная практика // Антропология советской школы: Культурные универсалии и провинциальные практики: сб. ст. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2010. С. 100 – 120.

УДК 908+34.03

Е.Ю. Литвинец
УГЛТУ, Екатеринбург

ТРАДИЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 г.: ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ НОВОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

Традиция пренебрежительного отношения к праву в России уходит вглубь веков. Русский историк В. Ключевский писал: «Не я виноват, что в русской истории мало обращают внимание на право: меня принудила к тому русская жизнь, не признававшая никакого права. Свойственные европейским народам идеи права, свободы, справедливости в России всегда были роскошью ума, доступной немногим головам, как дорогой французский кафтан или парик был доступен немногим карманам» [1].

Речь идет о неостребованности права в обществе как свойстве культуры российского обывателя. Выше правовых ценностей в России всегда стояли другие – самодержавие, анархия, православие, марксизм. Интересна попытка преодоления такого изъяна в ходе Великих реформ середины XIX в., когда произошло столкновение правового нигилизма и новых элементов правового государства.

Генезис судебной реформы многие историки связывают с формированием нового типа чиновника, для которого право, закон не было пустым звуком. Это результат развития юридического образования в России. В 1835 г. в Петербурге было основано элитарное заведение английского типа – Императорское училище правоведения, которое готовило кадры для Сената и Министерства юстиции. К 1850-м гг. юристы заняли стратегические посты в правительстве, позволявшие им составлять проекты реформ,

и продвигать их через запутанные бюрократические лабиринты [2]. Ключевым словом для них была законность, основа правового государства. Эта идея и легла в основу Судебных уставов 1864 г., благодаря которым усилилась роль закона в управлении, произошло окончательное отделение суда от администрации. Судебная реформа была наиболее радикальной, новаторской и технически обеспеченной из всех Великих реформ. Этому способствовало то, что значительная часть образованного общества в 1840 – 1860-е гг. приняла либеральную доктрину: она хотела участвовать в управлении, чтобы защищать себя от злоупотреблений власти.

Однако в отношении остального населения (крестьяне, мещане, рабочие), составляющего подавляющее большинство граждан, реформа наткнулась на огромные трудности. Процесс выработки новой правовой культуры и распространение правосознания здесь происходили очень медленно, т.к. огромным препятствием на пути официального закона был обычай [3]. Значительную роль в этом сыграло и то, что дела крестьян оставались в юрисдикции созданных крестьянской реформой 1861 г. волостных судов, действовавших на основе обычного права.

С древнейших времен и вплоть до установления советской власти в стране представители всех классов населения, совершившие тяжкое уголовное преступление, судились в одном суде и по единому закону. Но что касается мелких уголовных и гражданских дел в деревне, то они были прерогативой сельских судов, разбиравших их по обычному праву. Обычное право – это неписанные правила и нормы, основанные на народных представлениях о справедливости. До конца XVII в. закон и обычное право различались не слишком существенно. Однако начиная с XVIII в., когда Россия стала на путь европеизации, закон начал все более расходиться с обычным правом: город превратился в зону действия закона, деревня – обычая. Внутридеревенские отношения регулировались почти исключительно обычным правом, кроме отношений крестьян с другими сословиями. В результате после реформы 1861 г., когда русские этнографы серьезно занялись изучением крестьянского быта, они обнаружили, что народная юстиция, существенно расходившаяся с законом, решала 80 % всех дел у 80 % всего населения империи. Обычное право использовалось всеми судами в торговых делах при лакунах в законе; в делах о наследовании, опеки, попечительстве у крестьян; по всем спорам среди крестьян, разрешавшимся волостными судами по гражданским делам, а до 1889 г. и по уголовным делам при лакунах в законе [4]. Обычное право в деревне в решающей степени обеспечивало общинный правопорядок, который ограничивал имущественные права крестьян: сделки с землей, передачу наследства, заключение договоров, выход из общины и др. В большинстве случаев крестьяне не могли выступать в качестве субъекта гражданского права, так как не могли действовать без разрешения общины. После 1861 г. пра-

вительство даже сузило сферу индивидуальных прав, с целью поддержания общинных отношений.

В обычном праве преступление понималось как грех (в религиозном смысле), нарушение правды и законов совести и ассоциировалось с несчастьем. Преступник рассматривался как несчастный человек, наказанный Богом за свои прежние грехи, и сам акт преступления считался уже началом кары и несчастья, обрушившегося на человека. Преступление также понималось как личная обида, как нанесение бесчестья, откуда вытекало убеждение, что судить за проступки против личности и имущества следует самому потерпевшему, и только за преступления, направленные против общественного порядка, судить и наказывать должен суд. Таким образом, крестьяне после судебной реформы 1864 г. понимали преступление не как нарушение юридической нормы, а, во-первых, как нарушение моральной нормы, во-вторых, как личную обиду, в-третьих, как несчастье и наказание. Этот взгляд на преступление, изжитый в законе еще в начале XVIII в., в обычном праве сохранился в XX в. Крестьяне очень хорошо понимали преступление против лица, например убийство, но преступление против государства – нет [5]. Все известные пословицы середины XIX в. отзывались о законе негативно, что отражало народное правосознание, согласно которому правда, отраженная в обычае, справедливее закона. Сословный волостной суд, утвержденный в 1861 г., отражая подобное правосознание, должен был судить «по совести», что подтверждалось «Временными правилами о волостном суде» (1889 г.) [6].

Анализ Временных правил о волостных судах показывает, что они вносили существенный элемент формальности в судебную процедуру. Для реформаторов формальность судебной процедуры являлась противовесом и профилактикой произвола. Их цели в отношении правового образования крестьян были сознательно ограничены: они намеревались лишь ближе познакомить крестьян с законом. В деревне сложилась судебная система, повседневно вводившая крестьян в прямой контакт с законом. Однако крестьяне признавали авторитет волостных судов лишь в случаях конфликтов по поводу мелких денежных сумм, ущерба собственности и других случаев, касавшихся главным образом экономических отношений. Но по поводу серьезных преступлений против общинных норм и морали, угрожавших самому существованию общины, применялось неформальное правосудие – суд старшин, деревенский сход, которые зачастую принимали решение о жестоком наказании. В пореформенный период такая форма народного правосудия, как самосуд, вплоть до убийства на месте преступления, была широко распространена почти во всех губерниях Российской империи. Например, убивались поджигатели и конокрады, а иногда воры, застигнутые на месте преступления. Крестьяне часто проявляли склонность к самосуду и предпочитали его официальному суду, так как не были уверены, что преступник получит должное возмездие [7]. А. Ефименко сформулировал

различие при назначении наказания по обычному праву и закону. По закону – каждый должен получить то, что ему следует по закону, по обычаю – «чтобы никому не было обидно». В законе все держится на логике, в обычном праве – на чувстве [8]. Однако самосуд являлся не только отражением народных верований и крестьянской культуры, но и насильственным утверждением обычая и власти общины. Самосуд представляет собой важный механизм социальной регуляции, направленный против таких социальных действий, которые несут в себе угрозу разрушения общины. Крестьянские расправы, как правило, санкционировались сельским сходом, и это давало двойкий результат: во-первых, повышался авторитет схода, а во-вторых, придавался законный статус незаконной акции. Несмотря на то, что истинные масштабы самосуда чрезвычайно трудно измерить, он существовал и в советский период, что говорит о «прочности» крестьянской культуры в России и ее жизнеспособности в изменяющемся мире.

Таким образом, анализируя крестьянское право, можно сделать вывод об архаичности сельской жизни. Но жизнь шла вперед, и закон постепенно проникал в крестьянскую среду. Юридические нормы и обычай сосуществовали в российской деревне, и в меньшей степени – в городе на протяжении всего пореформенного периода.

Библиографический список

1. Ключевский В.О. Соч. в 9-ти тт. Т. 9. М.: Мысль, 1990. С. 424.
2. Тарановски Т. Судебная реформа и развитие политической культуры царской России / под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла // Великие реформы в России, 1855 – 1874: Сборник. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1992. С. 306.
3. Государственный архив Свердловской области. Ф. 11. Оп. 1. ДД. 39, 45.
4. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-нач. XX в.). Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 67.
5. Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту. М.: Либроком, 2011.
6. Виленский Б.В. Крестьянские волостные суды в пореформенной России // Научная конференция по итогам научно-исследовательской работы за 1958 год. Саратов: Изд-во Саратов. юрид. ин-та, 1959. С. 129 – 133.
7. Большакова О.В. Судебная реформа 1864 г. и формирование правовой культуры в дореволюционной России (Обзор англоязычной литературы) // Реферативный журн.: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История. 2000. Вып. 1. С. 29.
8. Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. М.: Либроком, 2011. С. 173.

УДК 94(47).084.3

М.И. Люхудзаев
МБУК МВС, Ноябрьск**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕВОГО ЭСЕРА
Н.П. ПОНОМАРЕВА В КАЗАНИ В ИЮЛЕ 1918 г.**

Деятельность левоэсеровской оппозиции в Казани в июле 1918 г. остается актуальным и недостаточно изученным вопросом отечественной истории. Особый интерес представляют действия лидеров местной организации партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР), существенно повлиявшие на ее противостояние с большевиками. Одним из наиболее активных в отстаивании партийных взглядов на заседаниях губисполкома Совета крестьянских депутатов, партийных конференциях и съездах советов был Н.П. Пономарев, чья биография и политическая деятельность, по мнению исследователей, до сих пор слабо изучена [1, 2].

В конце 1917 – первой половине 1918 г. бывший студент Казанского университета, инструктор по внешкольному образованию левый эсер Н.П. Пономарев был заместителем председателя крестьянского губисполкома, членом объединенного исполкома Казанского Совета, выступал на губернских крестьянских съездах, часто печатался в прессе. В мае 1918 г. он участвовал в работе I Казанской губернской конференции ПЛСР, где был избран кандидатом в члены губкома партии. В статье «К губернскому партийному съезду», опубликованной ко дню открытия партконференции Казанского комитета ПЛСР (22 – 25 мая) Пономарев подчеркнул необходимость достижения окончательной договоренности с партией большевиков о том, что социализацией земли должны заниматься левые эсеры [3]. Знакомя делегатов с текущим положением дел, среди других вопросов, требующих безотлагательного решения, он указал на взаимоотношения с максималистами, а также рабочий вопрос и строительство Красной армии. В отсутствие И.А. Майорова и А.Л. Коллегаева Н.П. Пономарев вместе К.Ю. Шнуровским руководил работой местной левоэсеровской организации.

По словам Шнуровского, после получения известия об убийстве Мирбаха, не только он, но и те члены комитета казанской организации ПЛСР, которые позже решительно поддержали ЦК партии, не поверили официальному сообщению. Действия казанских большевиков, присоединившихся к оценкам центральной власти на выступление ЦК ПЛСР, привели к тому, что в организации левых эсеров возобладала точка зрения Пономарева. Казанский комитет ПЛСР 10 июля принял резолюцию в поддержку линии ЦК, обязав всех членов партии высказываться или за убийство Мирбаха, или воздержаться, а тем, кто будет высказываться против - выйти из организации.

Выступая от левоэсеровской фракции на общем собрании Казанского Совета рабочих депутатов совместно с представителями фабзавкомов и профсоюзов 11 июля, Пономарев еще избегал комментировать текущие события, делая упор на заслугах левых эсеров и пытаясь защитить ПЛСР [4]. На следующий день на заседании губисполкома Совета крестьянских депутатов под его влиянием собравшиеся приняли резолюцию в поддержку тактики ЦК ПЛСР, протестуя против ареста левых эсеров V Всероссийского съезда Советов и требуя их немедленного освобождения. В резолюции был также выражалось несогласие с насилием, учиненного большевиками над левоэсеровскими лидерами и грязной клеветы, возводимой ими на ПЛСР, против клина, который они вбивали между городом и деревней. Для исправления ситуации во внешней и внутренней политике губисполком требовал разрыва Брестского мира, а также отмены продовольственной диктатуры и комитетов деревенской бедноты [5].

На городской конференции Казанской организации ПЛСР 13 июля в докладе по текущему моменту Пономарев отметил, что первый период идиллической согласованности в совместной работе обеих правящих партий – большевиков и левых эсеров подошел к концу по мере приближения Брестского мира и на IV съезде Советов обе партии резко разошлись по этому вопросу. Он подчеркнул, что «несколько месяцев ожидания и выявления линии поведения обеих правящих партий показали все пагубное значение передышки», а внешняя политика большевиков неизбежно повлияла и на их внутреннюю политику [6]. По его мнению, убийство Мирбаха было неизбежным следствием взгляда ПЛСР на необходимость разрыва Брестского мира и отвечало позиции, занятой левыми эсерами в вопросе о войне и мире. Пономарев заявил, что большевики окончательно подорвали свое влияние в массах; деревня восстановлена против них, особенно в связи с их политикой по продовольственному вопросу. Оценивая создавшееся положение в советской работе в Казани, он призвал не идти на согласие с большевиками, занять свою позицию, выявить свое партийное лицо. После прений по текущему моменту Пономарев предложил конференции резолюцию III Съезда партии по текущему моменту и резолюцию об отношении конференции к последним московским событиям и ЦК партии, которые были приняты единогласно. Конференция также поддержала резолюцию губисполкома Совета крестьянских депутатов. В заключительном слове Пономарев предложил конференции приветствовать ЦК партии в его тяжелой борьбе с германским империализмом [7].

16 июля местные большевики заявили о роспуске губисполкома Совета крестьянских депутатов, где левые эсеры составляли большинство, ввиду присоединения его к восстанию левых эсеров. Сторонники Пономарева к этому времени уже вели агитацию в уездах. В газете «За землю и волю» 16 июля Казанский губком ПЛСР, призывал членов организаций и ячеек оказать полное доверие ЦК партии, а крестьян – выступить против

ареста партийных лидеров. Пономарев отметил, что выступление ПЛСР, которое большевики пытались ошельмовать, станет моральной победой, одержанной эсеровской партией над партией «реальных политиков», хлопотствующей перед германским империализмом. По его мнению, внешняя политика большевистского Совнаркома противопоставляла только «свое бессилие и тщетные попытки жалких и бессмысленных протестов», а в политике внутренней каждый новый шаг большевиков «был один бессмысленнее и преступнее другого», что выразилось в установлении продовольственной диктатуры и организации комитетов деревенской бедноты. Он подчеркнул, что к моменту созыва V Всероссийского съезда Советов политика «лабиринтов» и ряда компромиссов, допущенных со стороны центральной власти, создала тяжелые условия для дальнейшего существования России, поставив в зависимость от германского империализма. Считая, что морально большевистская партия уже изжила себя во всероссийском масштабе, Пономарев обвинил большевиков в том, что с их «благословления» центральная власть в деле управления страной от наметившейся децентрализации перешла к чисто бюрократическому способу правления», доказав свою полную несостоятельность установлением комиссародержавия. Не желая гибели большевистской партии в целом, Пономарев призвал ее здоровые элементы порвать с авантюризмом верхов, отметив, что левые эсеры примут все меры к тому, чтобы провоцируемая большевиками мысль, что падение их партии знаменует собой падение Советской власти, не восторжествовала [8].

Считая, что политическое значение актов ПЛСР примитивным способом приравнивалось большевиками к аванюре, вызываемой к жизни всей политикой последних, Пономарев в своей следующей статье 17 июля призвал выправить, если в этом имеется нужда, партийную линию поведения на местах, согласовав ее выпрямление с ЦК партии. Подчеркнув, что большевики своей внешней и внутренней политикой форсировали июльские события, он заявил, что внутренние причины «реальной политики» правящей партии не оставляют сомнения в том, что центральное правительство стало для Германии лучшим орудием расправы с левыми эсерами. По его мнению, большевистское правительство в недалеком будущем постигла бы судьба украинской буржуазной Рады, если бы не убийство Мирбаха и не выступление левых эсеров против германского империализма и большевиков. Полагая, что развитие событий докажет правильность точки зрения левых эсеров, он заявил, что ПЛСР, выражающая волю трудящихся, ступив на путь революционного восстания, должна в самое ближайшее время порвать с германской ориентацией жалких «реальных политиков» [9].

Определенные надежды на изменение ситуации выражала статья Пономарева «К открытию V Губернского съезда Советов крестьянских депутатов», опубликованная 1 августа. Однако по решению наркома внутренних дел Г.И. Петровского V Губернский крестьянский съезд, де-

легаты которого в большинстве были левыми эсерами, был распущен в начале августа 1918 г. В это же время перестала издаваться газета крестьянского губисполкома «За землю и волю». В сложившихся условиях лидеры местной левоэсеровской организации поставили вопрос об уходе в подполье. Таким образом, лишенные возможности вести легальную партийную деятельность, выступать на съездах и отстаивать в прессе свою точку зрения, казанские левые эсеры вынуждены были вести подпольную работу. Позднее по этой причине Н.П. Пономарев был арестован 9 февраля 1919 г., освобожден под подписку, но в марте того же года погиб в перестрелке с агентом ЧК.

Библиографический список

1. Стариков С.В. Левые социалисты в Российской революции, март 1917 – июль 1918 гг. (На материалах Поволжья) дисс. доктор ист. наук: на соиск. уч. ст. Йошкар-Ола, 1997. С.93.

2. Халилова Т.В. Региональное лидерство и политическая культура (на материалах Казанской губернии). Февраль 1917 – июль 1918 гг. дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. Казань, 2000. С. 252.

3. За землю и волю (Казань). – 1918. – 22 мая.

4. Знамя революции (Казань). – 1918. – 21 июля.

5. Знамя революции (Казань). – 1918. – 13 июля.

6. За землю и волю (Казань). – 1918. – 16 июля.

7. За землю и волю (Казань). – 1918. – 16 июля.

8. За землю и волю (Казань). – 1918. – 16 июля.

9. За землю и волю (Казань). – 1918. – 19 июля.

УДК 94(47).08

А.С. Палкин
УрФУ, г. Екатеринбург

СЛУЧАЙ «ХУЛИГАНСТВА» В ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ НЕЙВИНСКО-РУДЯНСКОГО ЗАВОДА В 1861 г.²

Единоверие, усиленно поддерживаемое духовными и светскими властями в годы правления Николая I, прочно укрепилось на религиозной карте Среднего Урала. С началом 1860-х гг. в истории единоверия начался новый период, отличительной особенностью которого было существенное сокращение масштабов административной поддержки. Единоверию предстояло выдержать испытание на прочность в сосуществовании с сильными и самодостаточными старообрядческими обществами.

² Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ-Урал «Эволюция религиозного ландшафта Урала в конце XIX – XX вв.: историко-культурный атлас» №11-01-00317а.

Вообще сложно говорить о понятиях «единоверие» и «единоверец» применительно к 1860-м гг. Даже самые грамотные из единоверцев, осознанно шедшие на союз с официальной церковью, именовали себя «старобрядцами», что уж говорить о малограмотных крестьянах и мастеровых, которые слабо представляли, что такое единоверие, и большей частью были загнаны в новую веру силой.

Граница между старообрядчеством и единоверием на местах была достаточно зыбкой и проходила зачастую «по живому», затрагивая не только отношения в некогда единой старообрядческой общине, но и отношения внутри семьи. Столкновение двух вер, двух точек зрения, нередко приводило к обострению старых конфликтов и появлению новых. В ряде случаев такие конфликты доходили до суда.

Так, в фондах Государственного архива Пермского края (ГАПК) сохранилось любопытное дело, до сих пор не введенное в научный оборот [1]. Так случилось, что драматические события, описываемые в документе, разыгрались как раз в день подписания Манифеста об отмене крепостного права – 19 февраля 1861 г.

Священник Успенской единоверческой церкви Нейвинско-Рудянского завода³ Антоний Колосов, 20 февраля 1861 г., донес епископу Екатеринбургскому Варлааму (Денисову), что крестьянская дочь Нейвинско-Рудянского завода Дарья Тупикова (старобрядка) по убеждению своего жениха-единоверца Осипа Семенова Русакова изъявила желание присоединиться из раскола к единоверию и вступить в брак «по закону Христианскому» (т.е. повенчаться в единоверческой церкви. – *А.П.*). О своем намерении Дарья объявила священнику единоверческой церкви отцу Антонию. 18 февраля она, по наставлению священника, отправилась в церковь к вечерне, откуда домой не возвратилась. Отец ее, старообрядец Степан Игнатьев Тупиков, полагал, что Дарья осталась ночевать у своей замужней сестры Евдокии Занадворновой (вероятно, также единоверке) [1, л. 24 - 25]; но утром 19 февраля Евдокия пришла навестить его, и выяснилось, что Дарья у нее не ночевала. Степан послал Евдокию узнать, где Дарья. Евдокия, возвратившись, сказала, что Дарья прошлым вечером миропомазана и по приказанию священника провела всю ночь в церкви (что характерно, вместе с женихом! [1, л. 15]), а сейчас за обедней будет принимать Святые Тайны (без предварительного Причастия священник не разрешал венчать) и потом будет обвенчана [1, л. 9 - 10].

Далее, по описанию священника, произошло следующее: 19 февраля служили обедню. Дарья вместе со всеми готовилась к причащению Святых Христовых Таин. «В это время отец ее, раскольник Степан Тупиков, приведенный в церковь дочерью Авдотьей Занадворовой, кричал громко,

³ Успенская единоверческая церковь Нейво-Рудянского завода (68 верст от Екатеринбурга) была построена на средства заводовладельца А.И. Яковлева в 1844 г. и освящена 15 октября того же года; до этого времени здесь была старообрядческая часовня. См.: [2].

чтоб не приобщать дочь его Дарью, а когда священник сказал: «со страхом Божиим и верою приступите», Тупиков бросился на него с палкою, но был удержан крестьянином Акинфием Русаковым (видимо, родственником жёниха Дарьи. – *А.П.*), которого поносил бранными словами и продолжал кричать, во время пения ... к Св. Причащению вместе с крестьянкой Занадворовой, с намерением воспрепятствовать Дарье в причащении Св. Таин...»

Сам же Тупиков придерживался своей версии произошедшего. Прежде всего, он заявил, что Дарья не брала у него благословения вступить в брак с Осипом Русаковым⁴. О намерении дочери перейти в единоверие он знал, а свое появление в церкви объяснял достаточно оригинально. От Евдокии Степан узнал, что у Дарьи «открылось месячное очищение», поэтому приказал отвести его к священнику, чтобы сообщить ему об этом и Святое Таинство отложить. «Придя в церковь и услышав голос отца Антония, тотчас же начал просить священника не допускать его дочь к причащению, на крестьянина Русакова с палкою не бросался и не ругался». А когда полицейский служитель Жирнов приказал ему уйти домой, его взяла за руку дочь Евдокия и они удалились [1, л. 8 – 8 об., л. 9, 10, 11 – 12].

Интересно сравнивать описание одной и той же ситуации со слов священника и крестьянина – старовера. Первый сознательно сгущает краски, явно стараясь выставить нарушение общественного порядка и церковного благочиния упорным «раскольником» в качестве жуткого и необоснованного буйства⁵. Второй же старательно оправдывается, всячески стараясь свести к минимуму «хулиганские» оттенки своих действий. Удивительней всего, что свой приход в церковь он объясняет желанием сохранить ритуальную чистоту Таинства официальной церкви, хотя его, как старовера, этот вопрос должен был волновать меньше всего. Видимо, такой «заботой» об официальной церкви он рассчитывал смягчить грядущее взыскание.

Во время дальнейших допросов выяснились новые подробности скандального дела. По показаниям Дарьи, когда они с мужем остались ночевать в церкви, она «почувствовала месячное очищение и считая себя недостойной принять Св. Тайны, просила мужа своего предупредить об этом священника, что он и исполнил, но священник сказал ему, что грех этот он берет на себя» [1, л. 12 об. – 13, 13 об.]. А здесь удивительно то, что желание единоверческого священника как можно скорее завершить присоединение (присоединение к единоверию должно было завершаться причащением) и совершить венчание (ради которого девушка и решила сменить веру), оказалось сильнее, чем необходимость соблюдения чистоты важнейшего христианского таинства – Причастия!

Надо сказать, что действия батюшки имели под собой веские причины. Дело в том, что последний день, в который можно было венчать браки

⁴ Почему Дарья не получила благословения остается неясным. Возможно, отца не устраивало, что потенциальный зять – единоверец, а может быть, Осип не устраивал его по другим причинам.

⁵ Такое поведение единоверческого пастыря, вероятно, можно объяснить желанием «отыграться», отомстить староверам, которые, как правило, не особо жаловали единоверческих священников.

до Великого поста в 1861 г. приходился на 24 февраля (пятница недели, предшествующей Масленичной, т.н. Пестрой). «Месячное очищение», весьма некстати «открывшееся» 19 февраля, переносило как Причащение (а, значит, и завершение присоединения к единоверию), так и венчание на период после окончания Великого поста – фактически на два месяца. Видимо, священник понимал, что за этот период старообрядческое окружение Дарьи постарается сделать все возможное, чтобы не допустить ее перехода в «никонианство».

По версии Дарьи, отец спокойным голосом просил священника не причащать ее до Великого поста, а с палкой ни на кого не бросался и никого не ругал. Священник по окончании молитвы приказал кому-то его вывести. По показаниям Акинфия Яковлева Русакова Тупиков не бросался на него с палкой, а говорил «обыкновенным голосом». Видимо, после свершившегося бракосочетания (вероятно, оно все-таки состоялось 19 февраля, поскольку в документах следствия Дарья проходит под фамилией Русакова) [1, л. 12 об. – 13] непокорная дочь и новоприобретенный родственник примирились со Степаном Тупиковым и дали показания в его защиту. Другие свидетели – прихожане единоверческого храма (не родственники новобрачных) – на допросах говорили, что Тупиков с Евдокией вели себя «довольно громко», но бранных слов не произносили, и палкой он не махал [1, л. 14, 18 – 18 об., 19 об. – 21 об.]. Таким образом, они также встали на защиту старовера, почти напрямую противореча показаниям своего священника.

Дело было передано в Екатеринбургский уездный суд, который постановил Степана Тупикова, 56 лет, подвергнуть 60 ударам розгами; Евдокию Занадворнову, 27 лет, подвергнуть 50 ударам, а также взыскать с них 14 руб. 24,5 коп. за прогоны следователю. Поступок священника Антония Колосова, оставившего ночевать в церкви жениха и невесту (чем и был спровоцирован приход «раскольника»), направить на рассмотрение духовному начальству [1, л. 24 – 25.]. Чем закончилось дело, возбужденное вследствие поступка о. Антония, к сожалению, неизвестно.

Однако обвиняемым «хулиганам» в какой-то мере повезло (возможно, сыграли свою роль показания свидетелей). Пермская судебная палата вынесла свое решение по этому делу: Тупикову было назначено наказание в 25 ударов розгами (хотя ему грозил арест до 1,5 месяцев), деньги взыскать с него лично, а Занадворнову от суда освободить (возможно, вследствие ее принадлежности к единоверию) [1, л. 28].

К сожалению, имеющиеся в документах дела сведения, не позволяют в деталях оценить конфессиональную ситуацию, сложившуюся в Нейво-Рудянском заводе. За пределами досягаемости историка остаются межличностные отношения, отношения между фигурирующими в деле семьями и т.д.

С уверенностью можно сказать лишь то, что распространение единоверия в николаевское время было важным фактором, серьезно усложнив-

шим взаимоотношения в ряде некогда относительно единых старообрядческих общин не только в период антистарообрядческих репрессий, но и после него. В то же время 1860-е гг. были ознаменованы новыми тенденциями в отношениях правительства со старообрядческим миром, которые привели к постепенному сходу на нет «единоверия поневоле».

Библиографический список

1. Государственный архив Пермского края. Ф. 177. Оп. 1. Д. 777.
2. Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902. С. 591-592.

УДК 94(47).083(470.51/54)

Д.Ю. Пухов
УГЛТУ, Екатеринбург

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЛЕСОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ В УРАЛЬСКИХ КАЗЕННЫХ ГОРНОЗАВОДСКИХ ОКРУГАХ В НАЧАЛЕ XX в.

В научной литературе уже затрагивались различные аспекты истории уральского горнозаводского лесного хозяйства начала XX в. Наиболее основательно эта проблематика разрабатывалась К.С. Семеновым, А.В. Дмитриевым и Н.Н. Черновым. Некоторые составляющие деятельности регионального горно-лесного хозяйства показаны, в частности, в работах Б.С. Петрова, А.Ф. Кузнецова и М.Ф. Маслюкова, просвещенных истории лесной промышленности. Тем не менее, далеко не весь источниковый материал по данной теме включен в научный оборот, что обуславливает необходимость дальнейших исследований с целью формирования комплексной картины функционирования лесного ведомства в регионе.

В начале XX в. уральская горно-металлургическая промышленность по-прежнему находилась в зависимости от наличия лесных ресурсов, запасы которых, несмотря на тенденцию к сокращению, оставались весьма значительными. В 1913 г. площадь горнозаводских лесов Урала составляла 8 600 700 дес. (9 391 964 га). На долю казенных заводов приходилось 20,6 % этих лесов (1 773 698 дес. или 1 936 874 га), посессионных – 17,6 % (1 512 192 дес. или 1 651 314 га), частновладельческих – 60,7% (5 224 000 дес. или 5 704 608 га) [1].

В годовых отчетах лесного отделения Уральского горного управления отражены объемы и структура лесозаготовок в дачах казенных заводов. Масштабы эксплуатации этой части уральских лесов можно проиллюстрировать данными за 1901 г. (табл. 1).

Объемы лесозаготовок в казенных горнозаводских округах в 1901 г. [2]

Округа	Лесные площади, дес.	Отпущено лесных материалов, куб. саж.		
		Для заводских потребностей	Для частных потребностей	Итого
Екатеринбургский	389 208	17 771,98	113 236,47	131 008,45
Гороблагодатский	738 669	126 393,75	69 507,41	195 901,16
Пермский	158 211	17 649,32	27 723,04	35 134,38
Камско-Воткинский	209 095	28 684,50	24 503,16	53 187,66
Златоустовский	528 435	83 421,06	40 816,48	124 237,54
<i>Итого</i>	2 023 618	273 920,89	265 548,58	539 469,19

Материалы таблицы показывают, что наиболее масштабные лесозаготовки осуществлялись в Гороблагодатском и Златоустовском округах, где имелись самые большие лесные площади, а наименьшее количество древесины было заготовлено в Пермском округе, обладавшим самыми скромными запасами лесных ресурсов. Таким образом, масштабы лесозаготовки в казенных округах были пропорциональны площади имевшихся в них лесных территорий.

В целом по казенным округам лишь около половины заготовленного леса (50,8 %) предназначалось для государственной металлургической промышленности. При этом на производство древесного угля для казенных заводов в 1901 г. было употреблено 159 719, 46 куб. саж. лесоматериалов, т.е. 29,6 % от общего объема лесозаготовок. Учитывая эти данные, неверно было бы рассматривать леса казенных заводов только как топливную базу металлургических предприятий. Их социально-экономические функции были значительно шире. Помимо удовлетворения различных потребностей казенных заводов, значительные лесозаготовки осуществлялись для нужд горнозаводского населения, на продажу, а также для частной промышленности. Так, в 1901 г. по первым двум статьям было заготовлено 198 316, 17 куб. саж. (36,8 % от общего объема лесоматериалов, отпущенных из казенных дач), а для частного горного дела – 67 232, 41 куб. саж. (12,5 %).

Тем не менее, отпуск леса для нужд металлургии являлась одним из ключевых аспектов деятельности горнолесного ведомства. При этом организация углежжения контролировалась не лесничими, функции которых ограничивались выдачей лесорубочных билетов и свидетельствованием лесозаготовок, а заведующими лесозаготовками, подчинявшимися руководству завода.

На рубеже XIX – XX вв. важным аспектом технологической модернизации углежжения являлся переход от кострового способа получения древесного угля к печному. К концу 1901 г. на уральских казенных горных заводах действовало 306 печей для углежжения, 69 из которых были по-

строены в течение отчетного года. Однако большая часть угля – 81,5 % – по-прежнему заготавливалась костровым способом. Существенные различия в технологическом уровне куренной операции наблюдались в отдельных округах (табл. 2). Печной способ заготовки угля развивался лишь в Кушвинской, Верхне-Турьинской, Баранчинской, Златоустовской, Саткинской и Кусинской дачах Гороблагодатского и Златоустовского округов.

Таблица 2

Соотношение кострового и печного углежжения в казенных горнозаводских округах в 1901 г.

Округа	Количество переугленных дров, куб. саж.		Количество полученного угля, короба	
	Костровым способом	Печным способом	Костровым способом	Печным способом
Екатеринбургский	8133,74	-	20 649,58	-
Гороблагодатский	69 276,64	12 304,82	190 945,76	38 373,50
Пермский	890,85	-	1676,9	-
Златоустовский	53 400,91	13 745,67	127 766,33	40 025,41
Камско-Воткинский	1966,83	-	4333,0	-
<i>Итого</i>	133 668,97	26 050,49	345 371,57	78 398,91

Себестоимость древесного угля определялась как способом его производства, так и расстоянием от завода до места заготовок, которое в 1901 г. составляло в среднем 56 верст. По отдельным дачам эта величина колебалась от 12 до 95 верст. В целом в казенных округах средняя цена короба «кострового» угля с доставкой в завод составляла 3,03 руб., а «печного» - 2,50 руб. Таким образом, печной способ углежжения удешевлял производство на 17,5 %.

Лесопользование в казенных дачах не ограничивалось эксплуатацией древесных ресурсов. К побочным пользованиям относились пчеловодство, выпас скота, охота, «земельные статьи», заготовка песка, камня, глины и др.

Помимо организации лесопользования, к функциям горнолесного хозяйства относилось выполнение лесоустроительных и лесных работ, а также пресечение незаконной эксплуатации лесов. Содержание и количественные характеристики годового объема лесоустроительных работ приводятся в табл. 3.

К лесным работам относились постройка и ремонт лесокараульных домов, отвод лесосек, различные лесокультурные и хозяйственные работы. Масштабы деятельности ведомства, связанной с пресечением нарушений установленных законодательством правил лесопользования, также можно проиллюстрировать годовыми количественными показателями. Так, за 1901 г. в казенных округах было заведено 10 622 дела по нарушениям Лесного устава, из них 8955 дел по самовольным порубкам.

Таблица 3

Лесоустроительные работы в уральских казенных горнозаводских округах в 1901 г.

Виды работ	Объем работ
Снято на план	48 940 дес.
Отведено и оценено лесосек	14 200 дес.
Отаксировано и описано насаждений	63 140 дес.
Пройдено границ и других линий	891,25 верст
Прорублено просек	5338,50 верст
Вырыто ям и поставлено столбов	5464 шт.
Взято пробных площадей	88,0 дес.
На пробных площадях взято моделей	835 шт.
На пробных площадях перечислено деревьев	56 342 шт.

До сих пор в исследовательской литературе почти не уделялось внимания финансовой стороне функционирования горнолесного ведомства в начале XX в. Между тем, архивные материалы содержат определенную информацию о структуре доходов (табл. 4) и расходов казенного горнозаводского лесного хозяйства.

Согласно данным табл. 4 86 % доходов горнозаводского лесного хозяйства составляли поступления от эксплуатации древесных ресурсов. Однако при этом не учитывались средства, фактически полученные казной от бесплатного предоставления леса государственным предприятиям. В действительности более 90 % казенных доходов обеспечивались лесозаготовками.

Таблица 4

Доходы от казенных лесных дач в 1901 г.

Виды доходов	Величина дохода, руб.
От отпусков леса за пошлины и налог	520 207
От оброчных статей и земель, предоставленных по уставным грамотам	14 247
От побочных пользований	56 450
От взысканий за нарушение Лесного устава	16 991
<i>Всего</i>	607 895

Для отпуска леса была разработана система таксовых цен, которые зависели как целей лесозаготовок, так и расстояний от делянок до мест потребления ресурсов. Низшая такса устанавливалась для отпусков по приговорам сельских обществ; средняя – для удовлетворения потребностей сельского и заводского населения, а также волостных правлений обществ, не имевших лесного надела, для горнозаводского действия посессионных заводов, просветительских и благотворительных учреждений; высшая – для золотых и платиновых приисков, промышленных предприятий и част-

ных лиц. Таксовые цены на лес, заготовленный поблизости от места потребления (до 10 верст) в 1,3 – 2 раза превышали цены на древесину полученную на отдаленных участках (15 и более верст). В 1912 г. кубическая сажень сосновой древесины в зависимости от вида таксы и расстояния до лесозаготовок могла стоить от 29 коп. до 2 руб. 25 коп. [3].

Общий объем и соотношение различных видов расходов горнолесного ведомства в начале XX в. показаны в табл. 5.

Таблица 5

Структура расходов Уральского горнолесного ведомства в 1910 г.

Виды расходов	Величина расходов, руб.
Содержание личного состава	50 915
Содержание стражи	151 689
Лесоустройство	23 407
Лесные работы	8 845
Тушение лесных пожаров	3 526
Исправление дорог	12 263
Уплата земских сборов	243 966
Всего	494 612

Таблица составлена по: ГАСО. Ф. 55. Оп.1. Д. 818. Л. 407.

Учитывая, что доходы горнолесного ведомства только от казенных дач в 1910 г. равнялись 735 515 руб., можно сделать вывод о том, что годовая прибыль казны составила не менее 240 тыс. руб. Показательно, что в начале XX в. казенное лесное хозяйство не только пополняло государственный бюджет, но и являлось источником средств для финансирования земских органов самоуправления. Причем величина земских сборов была сопоставима с прибылью казны.

Рассмотренные материалы показывают, что приоритетным направлением деятельности Уральского горнолесного ведомства в начале XX в. являлось решение вопросов, так или иначе связанных с организацией использования экономически значимых лесных ресурсов. Экологические функции леса были осознаны еще далеко не в полной мере, и в отчетности по казенным горнозаводским округам деятельность по их воспроизводству отражена менее подробно.

Библиографический список

1. Дмитриев А.В. Горно-лесное хозяйство Урала во второй половине XIX – начале XX вв.: структура и правовая регламентация. Екатеринбург: НИИМК, 1996. 48 с.
2. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 55. Оп.1. Д. 606. Л. 217.
3. Семенов К.С. Лесное хозяйство Урала. Свердловск: Уралкнига, 1925. 120 с.

УДК 947.084.8(470.5)

В.В. Соловьева
УрФУ, Екатеринбург

**«ЧТО ПОЛОЖЕНО НАЧАЛЬНИКУ...»: К ПРОБЛЕМЕ
СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НА СОВЕТСКОМ
ПРЕДПРИЯТИИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ УРАЛА)**

Современными исследователями отмечается иерархичность и «словность» советского общества в целом и «рабочего социума» в частности [1, 2, 3, 4]. Представляется, что социальная структура предприятия может быть рассмотрена как своего рода «модель» советского общества.

Одним из главных критериев социальной дифференциации являются бытовые условия жизни. Принцип дифференциации лежал в основе всей государственной системы распределения материальных благ. Положение человека в «иерархии снабжения» зависело от профессиональной принадлежности, занимаемой должности, возраста, пола и других признаков, как общих, так и специфических для военного периода. Одна из наиболее четких линий дифференциации проходила между категориями «начальников» и рядовых работников.

Главной фигурой в управлении, от которой во многом зависело положение остальных работников, являлся директор предприятия. Он опирался на административно-управленческий персонал, а также на руководство партийной, профсоюзной, комсомольской организации.

Руководящие работники занимали особое место в системе снабжения и до войны. Однако с ее началом и со значительным ухудшением условий жизни населения, у этой категории возникла потребность закрепить свое положение. Например, были введены второе горячее питание и обеды для руководящих работников (постановление СНК СССР от 17 сентября 1942 г.) [3], «литерные» обеды и сухие пайки по нормам особого списка директорам, заместителям директоров, главным инженерам, начальникам производств и парторганизаторам (постановление СНК от 27 февраля 1943 г. и приказ Наркомторга от 16 марта 1943 г.) [4].

Особые столовые нескольких видов на 2-4 группы руководящего состава имелись на каждом крупном промышленном предприятии Урала. В «пирамиде снабжения» Кировского завода, описанной Я. Гольдштейном, «командный состав» включал в себя «верхушку завода» (директор и заместители), «литерАторов» (главные специалисты и начальники ведущих цехов) и «литерБэторов» (заместители начальников цехов, начальники технобюро и лабораторий) [5].

«Комсостав» в среднем составлял 1,5 % численности персонала предприятия, и на его питание выделялись лучшие фонды. По словам

Я. Гольдштейна, жил командный состав относительно хорошо: «американская помощь продовольствием, заботы Зальцмана и обкома партии доходили в виде продуктовых пайков, вещевых подарков, отрезков на костюмы, кожаных пальто и тужурок. Водка и папиросы – без ограничения» [5]. Стоимость трехразового питания в день в малом директорском зале Уральского танкового завода в 1942 г. составляла 15 руб. 69 коп. [6] Для сравнения, в том же году обед рабочего Первоуральского новотрубного завода стоил 25 копеек (питание было одноразовым) [7].

Многочисленные проверки, как правило, выявляли злоупотребления со стороны руководящих работников. Так, проверкой, проведенной на 75 предприятиях Свердловской области зимой 1943–1944 гг., было установлено, что директора заводов и другие руководящие работники, ответственные за дополнительные виды питания, произвольно расширяли круг лиц, которым оно выдавалось, незаконно распределяли между собой сухие пайки, присваивали фонды, рассчитанные на дополнительное питание рабочих и т. п. [8]

«Начальство» для большинства рабочих начиналось с фигуры мастера, который был им социально наиболее близок (чаще всего – недавний «выдвиженец»). Мастер играл особую роль в заводской иерархии, поскольку находился на «низовом» уровне распределения. Именно он решал, кто из рабочих получит бирки на промтовары, и составлял списки тех, кому полагалось дополнительное питание. Более значительной властью, чем мастер, но меньшей, чем начальник цеха, обладал начальник смены.

Обособление начальства вызывало оправданные и неоправданные слухи. Среди рядовых работников настроения против «начальства» в целом были достаточно сильными. На заседаниях парткомов «начальников» обвиняли в незнании положения рабочих, условий жизни в общежитиях, «собственническом» поведении и т. п. Следует отметить, что лексика «писем во власть» по этому поводу содержит прямые и косвенные аналогии с созданным официальной пропагандой образом взаимоотношений угнетаемых и угнетателей в дореволюционной России.

В то же время директорам предприятий их привилегированное положение массовое сознание «прощало». Об этом свидетельствует большинство сохранившихся воспоминаний о директорах крупных уральских заводов.

Анализ источников, содержащих мнения и суждения людей военного времени, выявляет в качестве одной из основных категорий массового сознания справедливость, понимаемую как равенство в снабжении. Работниками острее всего воспринималось различие между «начальством» и «рабочими». Традиционное восприятие раскола между «верхами и низами» в годы войны, с одной стороны, обострилось, с другой – вытеснялось из массового сознания мыслями о том, что главным на данный момент является разгром врага.

Библиографический список

1. Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик рабочих России в 1900–1941 гг. Екатеринбург: УрО РАН, 2006.
2. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Наука, 1995.
3. Шалак А.В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири (1940–1950 гг.). Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000.
4. Davies S. «Us against Them»: Social Identity in Soviet Russia, 1934 – 1941 // *Russian Review*. – 1997. – Vol. 56. – No. 1. – pp. 341–350. [Электронный ресурс]. URL: <http://links.jstor.org/>
5. Гольдштейн Я.Е. Откровенно говоря. Воспоминания, размышления. Челябинск: Рифей, 1995.
6. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 483. Оп. 3. Д. 94. Л. 10.
7. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 254. Л. 245.
8. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 238. Л. 101.

УДК 947.084.8:373 (470.54)

А.В. Чевардин
УГЛТУ, Екатеринбург

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СВЕРДЛОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1939 – 1945 гг.

Вторая мировая война, начавшаяся одновременно с новым учебным годом в Советском Союзе, оказала влияние на деятельность Свердловского областного отдела народного образования (облоно). В сентябре 1939 г. учителя в местных школах провели беседы с учениками «о том, как Красная Армия освободила народы Зап. Белоруссии и Зап. Украины от панского гнета». Уральская пионерия активно отреагировала на сентябрьские события. Во Дворце пионеров в г. Свердловске и в Доме пионеров г. Серова был организован сбор подарков и писем для «освобожденных от ига капитализма» детей [1].

К этому времени в Свердловской области насчитывалось 2095 школ: 1526 были городскими, 569 – сельскими. Из них лишь 180 – средними. Общее количество учащихся составляло 432 700 чел. С этим количеством учеников справлялось 12 199 учителей. Только 8809 чел. из них имели высшее образование [2].

Несмотря на внушительность приведенных цифр, имевшегося количества школ все равно не хватало. Как известно, в эти годы Советский Союз

переживал культурную революцию. Руководством страны был провозглашен курс на всеобуч. Партия и Правительство требовали от облоно охвата обучением всех детей, проживающих на территории области. Однако с этой задачей уральские чиновники к началу Второй мировой войны еще не справились. По оперативным данным на 15 сентября 1939 г., «недоохват детей обучением по области составил 9229 чел.» [3].

Более того, ситуация со всеобучем к концу учебного года 1939 – 1940 гг. только обострилась: число детей, не охваченных системой образования возросло почти в два раза. Как оказалось, причины этого увеличения крылись в работе другого советского ведомства – Народного комиссариата внутренних дел. В течение 1940 г. на территорию Свердловской области «в порядке специального переселения» прибыло около 27 тысяч депортированных польских граждан, примерно треть из которых составляли дети [4].

В докладной записке об итогах работы школ Свердловской области за 1939 – 1940 гг. учебный год заведующего Свердловским облоно А. Шарца, изложена причина срыва работы по всеобучу: «...значительная часть недоохвата и отсева за последнее время было за счет нерусских детей, плохо владеющих русским языком, которые прибыли в ряде районов области из других областей и республик страны, особенно из Зап. Украины, Белоруссии и др., которых не смогли охватить учебой». Таким образом, Свердловскому облоно досталось «значительное количество (до 7000 человек) нерусских детей, преимущественно поляков», которые в ряде районов «не составляли компактных групп», а были «распыленные по отдельным школам района». Кроме этого, «в связи с оказанием помощи в освобождении от ига капитализма братским народам Западной Белоруссии и Западной Украины, а также в связи с победой нашей славной Красной Армии над белофиннами в порядке промпереселения» в регион прибыло около 2000 детей переселенцев – евреев, поляков, белорусов и финнов [5].

Перед Свердловским облоно была поставлена задача включить в местную систему образования польских детей, депортированных в Свердловскую область в 1940 г. Местные чиновники имели на этот счет следующее мнение: «Временное включение в русские школы невозможно, т. к. дети, особенно поляки, финны совершенно не владеют русским языком». Необходимо было обеспечить детей обучением на их родном языке. Отсутствие педагогических кадров и учебников не позволяло в короткие сроки разрешить этот вопрос. Однако конкретные шаги все же последовали. Заведующий облоно просил из Москвы санкцию на расширение школьной сети для охвата прибывших на Урал детей: «...вызывается необходимость ... в Ирбитском районе в связи со спецпереселением строительство 3-х школьных зданий на лесоразработках» [6].

О том, как Областной отдел народного образования за год справился с охватом польских детей советским образованием, становится ясно из следующего документа. 29 ноября 1940 г. вышло решение за № 2345/18с

исполнительного комитета Свердловского областного совета депутатов трудящихся «О мероприятиях по обслуживанию спецпереселенцев-осадников в спецпоселках Свердловской области». В нем отмечалось, что прежнее решение исполкома облсовета за № 6 от 23 апреля 1940 г. некоторыми руководителями хозяйственных организаций так и не было выполнено. Поэтому исполком их обязывает в течение декабря 1940 г. предоставить и оборудовать помещения под медпункты, школы, столовые, детучреждения там, где это необходимо. Исполком обязывал лично заведующего свердловским облоно Шарца в течение декабря 1940 г. обеспечить полный охват начальным обучением детей спецпереселенцев, обеспечить все школы спецпоселков учебно-наглядными и методическими пособиями и школьно-письменными принадлежностями, установить контроль над качеством учебно-воспитательной работы, «обратив особое внимание на политическое воспитание» [7]. Однако и это решение не было выполнено.

Весьма интересны воспоминания самих бывших ссыльных о школьном образовании на Урале в годы войны. В польском спецпоселке Новоницинское Ирбитского района в 1940–1941 гг. была открыта школа. Казимир Омахель стал ее посещать, однако после того, как он спел отцу заученную в школе песню: «Помнят псы - атаманы, помнят польские паны красноармейские наши штыки...», отец запретил сыну ходить в такую школу. Живший в Режевском районе Станислав Пасынкевич посещал начальную школу в спецпоселке. Затем ему пришлось ходить в обычную советскую среднюю школу на лежащую неподалеку железнодорожную станцию Костоусово [8].

В связи с тем, что местное облоно плохо справлялось с поставленными перед ним задачами по опеке над польскими детьми, на помощь пришло польское эмигрантское правительство. Это стало возможно после начала Великой Отечественной войны, когда Польша из врага превратилась в нашего союзника.

Согласно документам на территории Свердловской области в период с осени 1941 г. по декабрь 1942 г., на деньги польского правительства и иностранных благотворительных организаций, открылись следующие учреждения, зарегистрированные в посольстве Республики Польша в СССР. В Березовском районе: 2 детских сада на 220 чел., в Сосьве – детский сад на 60 чел., в Красноуральском районе – 3 детских сада (300 чел.), детдом (15 чел.), дом инвалидов, пункт дополнительного питания (100 чел.), амбулатория с персоналом в 5 чел. Город Красноуфимск – санитарный пункт, Верхняя Тура – детский дом (22 чел.), Пышма и окрестности – 2 детских сада, 2 школы, 1 санитарный пункт, Режевской район – 6 пунктов дополнительного питания (630 чел.), город Ревда – детский сад на 160 чел [9].

Следует отметить, что не всегда такого рода учреждения открывались по согласованию с местными органами власти. Об одной такой «нелегальной» школе рассказывала НКВД советский школьный инспектор

С.В. Шубникова: «Около 20 июля 1942 года мне...было поручено обследовать подготовку школ к зимнему сезону по Режевскому району. Приехав на 46 квартал ...я узнала, что там функционирует школа для детей польских граждан. Районо на открытие такой школы разрешение не давало... Из разговора с учительницей Квятковской я узнала, что дети польских граждан обучаются польскому языку, истории Польши, географии, арифметике... Перед началом и концом урока все дети молятся богу произнося молитвы. Во время обучения детей польскому языку читаются книги религиозного содержания. Иначе говоря, воспитание детей в религиозном духе проходит красной нитью через всю программу школы». Встретившись с польским представителем В. Мерником, школьный инспектор спросила, почему в школе ведется религиозное воспитание, запрещенное в Советском Союзе: «Мерник мне стал доказывать, что бог существует и поэтому детей нельзя оставить без религиозного воспитания» [10].

Однако большинство этих детских учреждений работало очень недолго. Во-первых, на Урале в 1942 – 1943 гг. начинает ощущаться острая нехватка продовольствия, что прямым образом повлияло на их работу: «Основных причин выбытия учащихся из школ три: первое – с конца марта продуктовые фонды, отпускавшиеся в зимние месяцы, на питание учащихся в ряде школ торговцами были сильно сокращены, в сельских районах совсем сняты, а школьные запасы были израсходованы, поэтому горячие завтраки сильно сократились, второе - это тяжелое материальное положение в семье, главным образом из-за недостатка хлеба: учащиеся или уходили на работу, или вынуждены оставаться дома для замены старших членов семьи в хозяйстве, уходивших на работу в производство, совхозы, колхозы, наконец, третья причина, основная: в истекшем учебном году новая школьная обувь на места почти не поступала. Старая обувь, которую ремонтировали в предыдущие годы, настолько поизносилась...» [11]. Таким образом, многие польские подростки, так же как и советские, вместо школ отправились на производство, чтобы получить продовольственные карточки.

Второй причиной свертывания польской системы детских учреждений стал разрыв советско-польских отношений весной 1943 г. Сеть представителей польского посольства в Свердловской области была упразднена, многие активные деятели этой системы арестованы, что окончательно парализовало работу школ, детских садов и др. Вновь полная власть над детьми перешла к Свердловскому облоно.

После коренного перелома в Великой Отечественной войне, начала быстрого продвижения советской армии на запад (лето – осень 1943 г.), из столицы вновь пришли директивы об активизации работы облоно с польскими детьми. Из «Годового отчета о работе школ Свердловской области за 1943 – 1944 учебный год» следует, что в регионе действовали две школы с польским языком преподавания. Школа в пос. Дегтярка Ревдинского района была открыта в сентябре 1943 г. Контингент учащихся состоял из 80 человек.

Из них: 1 класс – 30 учащихся, 3 класс – 25 чел.; 4 класс – 25 чел. Вторая школа находилась в пос. Крутояры Пышминского района. Преподавание в ней было переведено на польский язык в декабре 1943 г. Контингент учащихся состоял всего из 67 человек. Из них: 1 класс – 1 учащийся, 2 кл. – 21 чел., 3 кл. – 16 чел., 4 кл. – 16 чел. В области также появились русские школы с польским языком как предметом: школа № 24 в Первомайском поселке Березовского района и одна школа в Исовском районе [12].

О преподавателях данных учебных заведений облоно отзывалось следующим образом: «В ...школах работают учителя поляки с большим педагогическим стажем работы в Польше. С советской системой школы они не знакомы. Никто из учителей, работавших в польских школах, не состояли членом СПП (Союза польских патриотов – А.Ч.) в СССР». «Некоторые учителя проводят старую официальную воспитательную линию польских школ на родине. Например, в Дегтярской школе учительница Сулимярская воспитывает у учащихся почитание Пилсудского, как создателя польского государства».

Как отмечается в документе, основным недостатком в учебной работе школ для польских детей в 1943 – 1944 учебном году являлось отсутствие программ и учебников. Учителя руководствовались старыми польскими учебниками или составленными лично вспомогательными книжками: «Программный материал в польских школах и по польскому языку в русских школах пройден только приблизительно в той мере, насколько старые польские учебники совпадают с требованиями программ Комитета по делам польских детей в СССР... Такие предметы, как история СССР, география Польши и даже русский язык (в Крутоярской школе) совсем не были включены в учебные планы школ».

В конце учебного года были проведены испытания. Ученики 4 класса Крутоярской и Дегтярской школ писали работы на русском и польском языках. Оценку «пять» не удалось получить никому, «четыре» - семь человек по польскому языку, пять чел. – по русскому языку. Оценку «три» получили шесть человек по польскому языку и пять человек по русскому языку. Остальные одиннадцать человек не справились с работой вовсе. Облоно констатировало, что «знания учащихся по польскому языку удовлетворительные, но чувствуется отсутствие учебников. Орфографические навыки непрочные, учащиеся путают правила польской и русской орфографии» [13].

В конце документа работники облоно подвели итоги своей собственной работы: «В Свердловской области специальное обучение польских детей в 1943/44 году было проведено неудовлетворительно. Во многих районах области польским детям не было возможности обучаться на родном языке. Польские школы, организованные в прошлом учебном году, работали плохо. Главными причинами изложенного состояния является: 1. Отсутствие в аппарате облоно инспектора, знающего польский язык, который

мог бы осуществить постоянный контроль за работой существующих школ и заняться организацией специального обучения польских детей; 2. Формальное отношение некоторых РОНО к вопросу организации польских школ; 3. Трудности с кадрами; 4. Отсутствие учебников и программ для польских школ».

В новом 1944 – 1945 учебном году свердловские чиновники планировали открыть польские начальные школы в Березовском (в пос. Первомайский и в пос. Малиновка), Пышминском (8 квартал ЛГХ) и Режевском (в пос. М. Озера, пос. М. Крутиха, пос. Крутиха и в г. Реж) районах. Должны были ввести преподавание польского языка в русской школе в пос. Костусово. На повестке дня оставалось открытие школ в Красноуральском, Таборинском, Зайковском, Алапаевском, Исовском, Ирбитском, Красноуфимском, Сухоложском, Шалинском, Егоршинском районах [14]. Однако всем этим планам не суждено было сбыться: большинство польских детей были переселены на Украину в начале нового 1944 – 1945 учебного года.

Еще одной важной работой, которой занимался Свердловский областной отдел народного образования в годы войны, была организация и руководство детскими домами региона. За годы Великой Отечественной войны в Свердловской области число воспитанников в них увеличилось с 4 до 16 тысяч чел., количество детских домов возросло с 23 до 113. Одним из них был польский областной детский дом. Он работал с августа 1944 по 28 мая 1946 гг. в пос. Монетный Березовского района. В нем воспитывалось 110 человек [15]. Впоследствии воспитанники детского дома были репатрированы в Польшу [16]. Возглавлял его работу польский еврей Александр Левин [17].

Весь период Второй мировой войны на Среднем Урале принимались директивы, касающиеся польских детей. Сложно привести другой пример внимания и заботы советской власти по отношению к подданным чужого государства – польским детям. Однако этот вопрос был не самым главным в работе Свердловского областного отдела народного образования. И решался он далеко не в первую очередь. На работников облоно была возложена тяжелая работа, от которой зависела судьба многих тысяч детей, как местных, так и вывезенных из европейской части страны. Областным чиновникам приходилось балансировать между многочисленными приказами из столицы и ограниченными местными возможностями.

В работе облоно можно выделить три основных периода работы по изучаемому вопросу: первый (1940 – 1941 гг.) – это вялые попытки создать школьную сеть в районах проживания польских спецпереселенцев. Второй (1941 – 1942 гг.) – активизация работы над созданием сети польских школ и других детских учреждений самими поляками. В этот период Свердловское облоно сотрудничало с польскими представителями, однако пыталось контролировать и корректировать их работу. В третий период (1943 – 1946 гг.)

вновь активизируется деятельность облоно. Им создаются польские школы и классы в некоторых районах области.

Около девяти тысяч польских детей проживали на территории области с начала 1940 по конец 1944 гг. В течение пяти лет чиновникам не удалось создать для них нормально функционирующую сеть детских учреждений, пусть даже в суровых условиях военного времени. Таким образом, решение о полном охвате польских детей советским образованием не было выполнено. Основная причина неудачи крылась в отсутствии педагогических кадров и учебников. Если же сами поляки создавали детские учреждения, и их выявлял облоно, они часто закрывались, так как считались незаконными и не соответствовали советским критериям.

Библиографический список

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 4. Л. 47.
2. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 4. ЛЛ. 44, 97, 98.
3. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 4. Л. 5.
4. Чевардин А.В. Поляки и польские граждане в Свердловской области в 1939–1948 гг. Екатеринбург: БКИ, 2010. – С. 53.
5. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 4. ЛЛ. 9, 89, 104.
6. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 4. ЛЛ. 90, 104.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9479. Оп.1. Д. 79. Т. 5. Л. 101.
8. Личный архив А.В. Чевардина. Воспоминания К. Омахеля. Воспоминания С. Пасынкевича.
9. Bockowski D. Czas nadziei. Obywatele Rzeczypospolitej Polskiej w ZSRR i opieka nad nimi placówek polskich w latach 1940 – 1943. – Warszawa: Neriton – IH PAN, 1999. – S. 433.
10. Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 43951. Л. 250.
11. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 126. Л. 5.
12. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 130. Л. 28.
13. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 130. ЛЛ. 28, 28 об.
14. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 130. ЛЛ. 36, 36 об.
15. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 3. Д. 27. ЛЛ. 9, 12.
16. Чевардин А.В. Польский областной детский дом в поселке Монетный // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Сборник научных трудов. Омск: ОмГАУ, 2010. С. 441 – 445.
17. Левин А. Польский дом на Урале. Пер. с польского Петрушко Ч.Т. Екатеринбург: Полиграфист, 2006.

Социокультурные аспекты повседневности

УДК 330.15 : 504.05

Л.Л. Боровских
УГЛТУ, Екатеринбург

ПРОБЛЕМЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

Потребление энергии и использование энергосберегающих технологий в России – одна из главных проблем на сегодняшний день. Экономический рост в России возможен только на основе новых производственных мощностей, увеличение которых связано с энергетическими затратами. Эта проблема является как экологической, так и экономической, затрагивает экономическую безопасность страны. Энергоемкость России примерно вдвое выше, чем в мире, и втрое чем в странах ЕС [1].

В целях защиты окружающей среды были приняты новые законы и государственные программы, которые позволят создать новую систему экологической безопасности России. В ноябре 2009 г. принят закон «Об энергосбережении и о повышении энергоэффективности», который предусматривает сокращение энергии на единицу ВВП, а также федеральные программы – «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007-2012 годы» и «Модернизация транспортной системы России». Они направлены на финансирование научных разработок в области экологически чистого топлива [2].

Однако принимаемых мер недостаточно. Необходимо следовать мировой тенденции в области защиты окружающей среды. В 2009 году ЕС был принят общеевропейский План восстановления экономики, который направлен на предотвращение последствий изменения климата, внедрения экологически чистых технологий, в том числе энергосберегающих и так далее [3].

Проблемы охраны окружающей среды остаются одними из первостепенных задач, решение которых позволит нашей стране повысить энергоэффективность, завершить структурную перестройку экономики, внедрить экологические инновации в разные отрасли, что увеличит конкурентоспособность России на мировом рынке.

Библиографический список

1. Романов И. Как не стать «энерговampireм»? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.weekjournal.ru/economics/784.htm>

2. «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон Российской Федерации от 23 ноября 2009 г. N 261-ФЗ // Российская газета. 2009. 27 ноября. С. 7.

3. Шевченко Н. Эффективность антикризисной политики ЕС // Научная жизнь. 2011. № 4. С. 24.

УДК 316.1

А.Ф. Исламова
УГЛТУ, Екатеринбург

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Город – это сложное и многогранное социальное явление. Город концентрирует в себе все многообразие общественных отношений, он отражает и во многом порождает, инициирует процессы и явления, происходящие в обществе и в природе. Будучи самым крупным типом поселения, он интересует исследователей различных областей знаний. Такое внимание не случайно. Сегодня города – это доминирующий тип поселений на планете. Если в начале XX в. в городах проживало более 10 % населения мира, то на пороге XXI в. практически 50 % жителей проживает в городах.

Неуклонный рост городов и увеличение численности городских жителей усиливают актуальность социологического анализа феномена города, факторов привлекательности города, причин, побуждающих людей покидать села, деревни и строить свою жизнь в городе.

Большой город представляет собой противоречивое явление. С одной стороны, он является центром развития социальных инноваций, центром производства, науки, культуры, образования, управления, отличается высокой степенью организации среды, разнообразием видов и форм жизнедеятельности людей. С другой урбанизация порождает острые социальные проблемы, такие как экономическое и социальное неравенство, девиантное поведение, загрязнение окружающей среды, жилищные, транспортные и другие проблемы. В связи с этим актуальной задачей является комплексная оценка среды проживания в крупном городе с точки зрения ее влияния на человека и удовлетворения его разнообразных потребностей.

Вопросы, связанные с восприятием города человеком, и проблемы удовлетворения в нем различных потребностей интересовали исследователей с давних пор, все это активно исследуется и в наши дни. Можно сказать, что проблема реализации потребностей человека затрагивается во всех работах, посвященных социокультурным вопросам города. Однако особо следует подчеркнуть тот факт, что при всем многообразии трудов,

посвященных потребностям, работы, специально, целенаправленно ориентированные на исследование степени удовлетворения потребностей горожанина крупного города, практически отсутствуют. Как правило, авторы специально не акцентируют внимание на всей системе потребностей горожан, но отдельные потребности все же изучаются.

Целью нашего исследования стало выявление степени реализации потребностей человека в среде крупного города. Мы исходили из того, что общее отношение к месту проживания формируется благодаря оценке уровня благоприятности (неблагоприятности) жизненной среды, которая во многом оценивается степенью и качеством удовлетворения первичных (базовых) и высших (социокультурных) потребностей человека.

Город рассматривается нами как социально-пространственная среда проживания, имеющая сложную структуру. При этом структура города – это не жесткая система, с автоматически работающими связями, а скорее «мягкое» поле с вариативным взаимодействием элементов.

Структура городской среды представляется как взаимодействие четырех компонентов, которые имеют свое собственное внутреннее строение и развиваются по своим закономерностям. К этим компонентам относятся естественно-природный, материально-вещный, культурно-информационный и социоантропологический компоненты среды.

В нашей работе мы подошли к интересующей нас проблеме с двух сторон: с одной стороны, мы оценивали городскую среду как условие реализации потребностей; с другой – исследовали степень успешности реализации человеком своих потребностей в этой среде.

Методологической основой исследования стала теоретическая модель, предложенная А. Маслоу, которая была несколько расширена и адаптирована к предмету исследования. Мы учитывали, что все потребности взаимосвязаны и переплетаются. Каждая потребность, так или иначе, связана и проявляется во всех четырех сферах города.

Эмпирической базой исследования послужили материалы социологического опроса, проведенного автором в 2011 г. Методом сбора первичной информации выступил анкетный опрос. Выборочная совокупность анкетного опроса – 1400 человек, жители города Екатеринбурга. Способ выборки – квотный, пропорционально половозрастному составу генеральной совокупности.

Результаты эмпирического исследования позволяют сделать вывод, что крупный город как среда проживания, противоречив и неоднозначен. Городская среда как средовая целостность представляет разные по уровню комфорта условия жизни.

Горожане по-разному оценивают составные элементы городской среды. Естественно-природный компонент оценивается жителями отрицательно. Материально-вещное наполнение и люди как элемент окружающей

среды имеют оценку ближе к средней. Высоко оценивается информационно-культурный компонент городского пространства.

Высокая оценка респондентами информационно-культурной составляющей городского пространства подтверждает факт чрезвычайной значимости городов в социокультурном развитии, в исторической эволюции человечества. Город – первоисточник всех социальных инноваций: открытия науки, культуры, развитие техники, информационные потоки происходят из города. Политические решения, культурные стереотипы, мода – все это возникает в городе.

В то же время не всегда и далеко не все компоненты городской среды могут быть оценены как положительно воспринимаемые и благоприятно влияющие на человека. Проведенный эмпирический анализ позволил установить, что в подавляющем большинстве случаев наблюдается несовпадение оценок условий, предоставляемых городской средой проживания, и оценок степени удовлетворенности потребностей человека, функционирующего в этих условиях. Результаты исследования не выявили прямой зависимости – обнаружилась более тонкая и сложная связь между городом как пространством обитания и жизнедеятельностью человека.

Так, с одной стороны, общую экологическую ситуацию городской среды значительная часть жителей оценивает как скорее некомфортную. 38 % респондентов оценивает экологическую обстановку в городе как крайне неблагоприятную, причем самым высоким этот показатель оказывается у людей старше 50 лет; 55 % оценивают обстановку как более или менее удовлетворительную и всего 7 % ответили, что в городе благоприятная экологическая ситуация. С другой стороны, 64 % горожан говорят о высокой степени удовлетворенности физиологических потребностей, 31 % указывают на средний уровень удовлетворенности и только 5 % предельно низко оценивают возможности города удовлетворять их физиологические потребности. Такое несовпадение прослеживается по большинству показателей.

В ходе исследования были получены следующие типы взаимосвязи «среда – потребности». С точки зрения реализации физиологических потребностей городская среда оценивается как некомфортная, в то же время степень реализации физиологических потребностей оценивается как высокая. Среда оценивается как некомфортная и для реализации потребностей в безопасности и потребностей в любви, привязанности и принадлежности, при этом степень реализации потребностей – средняя и высокая. Городская среда оценивается как комфортная, для удовлетворения потребностей в уважении и в самоактуализации, а оценка степени реализации потребностей в уважении – высокая, в самоактуализации – низкая.

Полученные данные свидетельствуют, что, хотя город в целом оценивается противоречиво (позитивных и негативных оценок примерно одинаково), но при более углубленном анализе, предполагающем совмещение оценки среды со степенью удовлетворения потребностей, обнаруживается

рост негативности в оценке города как среды обитания. С точки зрения условий для удовлетворения физиологических потребностей, потребностей в безопасности, любви, привязанности и принадлежности город оценивается как «некомфортный», и только для двух потребностей – в уважении и самоактуализации – как комфортный.

В то же время при доминирующей негативной оценке городского пространства как среды, в которой реализуются потребности, в целом у горожан преобладают скорее позитивные оценки удовлетворения самих потребностей.

Мы оценили, насколько все же велика роль города как фактора, влияющего на реализацию потребностей человека. Согласно полученным данным город как фактор влияния занимает только четвертое ранговое место. В целом иерархия факторов влияния выглядит следующим образом: на первом месте – усилия самого человека; на втором – наличие социальных связей; на третьем – влияние семьи, друзей; на четвертом – возможности, которые предоставляет город; на пятом – политика государства.

Горожане придерживаются такого мнения, несмотря на свое образование, возраст, семейное и материальное положение, профессиональный статус, а также вне зависимости от степени удовлетворенности тех или иных потребностей и оценок относительно компонентов городской среды (коэффициенты корреляции не выявлены). Горожанин, несмотря на то, предоставляет ему город или нет возможности для того, чтобы быть в безопасности, чувствовать любовь, строить карьеру, самореализоваться, прежде всего берет на себя ответственность за степень удовлетворенности той или иной потребности.

Жизненный комфорт, удовлетворенность или неудовлетворенность существованием, здоровье, успех, ощущение счастья, самореализация личности во многом зависят от тех обстоятельств и условий, в которых непосредственно находится человек. Но в нашем случае жители города все же чувствуют себя активными творцами собственной жизни, и, несмотря на высокую значимость тех или иных условий, которые предоставляет или не предоставляет город для комфортного проживания, они находят возможности для удовлетворения тех или иных потребностей, хотя сделать это могут, конечно, далеко не все.

Таким образом, город как пространство для жизни, несомненно, важен как фактор, обуславливающий поведение людей, их активность, степень и формы реализации потребностей, но его влияние на горожан преломляется и опосредуется рядом других существенных факторов. Удовлетворенность или неудовлетворенность жизнью в городе во многом зависит от активности самих людей, занимаемой ими социальной позиции. Этот вывод подтверждается и тем, что, по нашим данным, более комфортно чувствуют себя в городе люди молодые, активные, в то время, как для пожилых людей город предстает как пространство малокомфортное для

жизни. Степень удовлетворенности потребностей сигнализирует о степени адаптации человека к городу как окружающей его искусственной среде обитания.

Результаты нашего исследования показывают, что следует обратить особое, более пристальное внимание улучшению комфортности городской среды проживания. А именно: повышение качества экологического контроля в городе, создание комплекса условий, гарантирующих безопасность проживания граждан, создание полноценных условий жизни для людей пенсионного возраста, а также улучшение комфортности социальной среды проживания в городе.

УДК 11

Е.А. Калистратова
УГЛТУ, Екатеринбург

ТИПИЗАЦИЯ В МИРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Типизация – одна из важнейших черт, характеризующих человека, существующего в пространстве повседневной жизни. Такие категории, как «тип», «типологизация», «типизация» составляют содержание типологического подхода в науке и в философии, где каждое из этих понятий является не просто элементом в структуре, но в некотором смысле и результатом реализации этого подхода.

С точки зрения типологического подхода категория «тип» обозначает такую совокупность признаков, которая образует внутреннее ядро взаимозависимостей и в этом виде становится всегда конкретной «единицей» типологического знания.

Понимание специфически содержательного смысла, скрывающегося за термином «типология», достигается в контексте отношения «цель – средство – результат»: типология есть результат типологизации, взятый вместе с процессом, ведущим к нему.

Типологизация представляет собой логико-методологическую процедуру поиска и обнаружения того минимума существенных признаков, без которых исследуемое сложное явление не способно ни существовать, ни множиться.

Особой формой осмысления и реализации типологического подхода является типологический метод, который характеризуется тремя исключительно важными чертами: генерализирующим принципом, алгоритмичностью, направленностью. Генерализирующий принцип выделяется своей способностью концентрировать знание вокруг некоторой главной идеи. Для всей типологической проблематики такой идеей, очевидно, является идея проектирования: именно она придает всеобщий смысл любым усилиям

людей в этой сфере, любому поиску оптимальных процедур, гармонической сопряженностью типов.

Типологический метод имеет алгоритмический характер, который формируется благодаря предметному синтезу последовательностей, характерных для каждого из трех наиболее значимых для типологии уровней организации – генетического, структурного и когнитивного. В зависимости от сферы приложения типологического метода этот алгоритм может варьироваться, усложняться или, наоборот, упрощаться, но сохраняется, как минимум, в своей общей направленности. Эта направленность, осознаваемая, в проективном плане, приобретает конструктивный характер, и – становится типизацией. Типизация же, с одной стороны, является концептуальным завершением типологического подхода, а с другой – началом практической реконструкции реального мира.

Концептуальный смысл типизации аксиологичен, потому что она связана с поиском значимости любых человеческих действий и отношений, с осознанием последствий всякого рода социальных изменений, с оценкой и переоценкой всего уходящего из человеческой жизни или возникающего в ней, со стремлением понять свои ближайшие, повседневные перспективы или, напротив, ценностные ориентиры отдаленного будущего. Именно аксиологические ориентиры (благо, значимость, польза, ценность, смысл) окончательно оформляют любые образы «типического». И от того, в какой степени поняты эти ориентиры, складываются разные формы типизации, которые изменяют саму реальность. Наиболее сложный и ответственный характер имеют схемы типизации в «социальном конструировании реальности»: они непосредственно влияют на всю сферу жизни индивидов, на их самочувствие и судьбу [1].

Итак, важным в понимании такого понятия как типизация является то, что, с одной стороны – это итог, результат процесса типологизации, а с другой – это точка, которая становится началом для практических изменений реального мира.

Процесс типизации, типологическое понимание повседневной жизни нашли свое наиболее полное отражение в феноменологической социологии, прежде всего, в работах А. Шюца и его последователей. С точки зрения социальной феноменологии, основная часть знания повседневного жизненного мира является типизированным знанием. Иными словами, оно касается не индивидуальных или уникальных качеств, предметов или людей, а их типических черт. Само же понятие типизации означает процесс, посредством которого люди типизируют окружающий их мир. Среди черт, которые характеризуют поведение и мышление человека, существующего в пространстве жизненного мира повседневности, А. Шюц выделяет следующие черты: во-первых, повседневное – это все то, что воспринимается как устойчивое, стабильное, постоянное, привычное, нормальное; во-вторых, повседневная жизнь организована типологически. Восприятие

личностей, идей, событий в рамках повседневности - это восприятие с точки зрения их типической определенности.

О повседневном мышлении А. Шюц пишет как о системе конструируемых типов: «Попытаемся показать, как бодрствующий взрослый человек воспринимает интерсубъективный мир повседневной жизни, на которую и в которой он действует как человек среди других людей. Этот мир существовал до нашего рождения, переживался и интерпретировался нашими предшественниками как мир организованный. Перед нами он предстает в нашем собственном переживании и интерпретации. Но любая интерпретация мира основана на предыдущем знакомстве с ним – нашем личном или передаваемом нам родителями или учителями. Этот опыт в форме «наличного знания» (knowledge at hand) выступает как схема, с которой мы соотносим все наши восприятия и переживания. Такой опыт включает в себя представление о том, что мир, в котором мы живем, – это мир объектов с более или менее определенными качествами. Среди этих объектов мы движемся, испытываем их сопротивление и можем на них воздействовать. Но ни один из них не воспринимается нами как изолированный, поскольку изначально связан с предшествующим опытом. Это и есть запас наличного знания, которое до поры до времени воспринимается как нечто само собой разумеющееся, хотя в любой момент оно и может быть поставлено под сомнение. Несомненное предшествующее знание с самого начала дано нам как типичное, а это означает, что оно несет в себе открытый горизонт похожих будущих переживаний» [2].

Перед нами встает важный вопрос о том, как организуется повседневное знание. По мнению А. Шюца, для того, чтобы люди понимали друг друга, а также разбирались в ситуациях и обстоятельствах взаимодействия в повседневной жизни, они должны соблюдать ряд условностей. Главная из них заключается в том, что человек руководствуется предположением, согласно которому его партнеры по взаимодействию видят и понимают мир, в сущности, так же, как он сам. Шюц именовал это бессознательно используемое в повседневной жизни допущение «общим тезисом о взаимозаменяемости перспектив».

Этот тезис можно сформулировать так: в повседневной жизни мы ведем себя так, будто от перемены наших мест характеристики мира не изменятся. При этом мы отлично сознаем факт индивидуальных различий в восприятии мира, следующий из уникальности биографического опыта, особенностей воспитания и образования, специфики социального статуса и других характеристик каждого из нас. Мы осознаем, что смотрим в разные стороны в буквальном и в переносном смысле, то есть фактически стоим лицом друг к другу, а наши жизненные планы могут кардинально противоречить один другому, но, тем не менее, наше взаимодействие, удастся без труда (например, заключение торговой сделки). Значит, мы автоматически, нисколько не задумываясь, с самого начала приняли допущение, согласно

которому, эти различия не имеют значения для решения задач, стоящих перед нами в данном повседневном взаимодействии. Именно поэтому взаимодействие проходит гладко и бесконфликтно. Именно по этой причине проходят ровно, без осложнений мириады и мириады повседневных взаимодействий. Именно этот факт взаимного приспособления партнеров и описывает шюцевский «общий тезис о взаимозаменяемости перспектив».

Так, если мы приняли (неосознаваемо для самих себя, не задумываясь) зафиксированные в этом «тезисе» допущения, мы рассматриваем нашего партнера по взаимодействию уже не как личность во всем богатстве ее характеристик, а как тип: тип «партнер по торговой сделке», тип «парикмахер», тип «клиент», и т. д., и т. п. Вся наша повседневная жизнь состоит из встреч с типами, а не с живыми людьми, потому что у живых людей есть проблемы, боли, обиды, любовь, ненависть и т. д., а в большинстве повседневных взаимодействий все это нас не интересует. Применение тезиса о взаимозаменяемости перспектив способствует восполнению при близительности повседневного знания, делая возможной коммуникацию и взаимопонимание вне ситуаций непосредственного взаимодействия.

Истолкование и конструирование жизненного мира опирается на накопленный личный опыт и усвоение опыта других людей. Благодаря этому происходит типизация феноменов и упорядочивание нового опыта. Опыт возникает благодаря вниманию, которое человек уделяет ситуации. Сталкиваясь с похожей ситуацией, человек активизирует память и пытается решить проблему исходя из накопленных обобщений. Это и есть образование смысловых связей. Если обобщение получает дальнейшее применение, оно становится типизацией. Типизация – это не абстрактное обобщение. Она прагматически ориентирована и состоит в том, чтобы выявить актуальное значение положения дел исходя из множества их значений и оценок.

Следовательно, хотим мы этого или нет, но мир человеческих связей, человеческих взаимодействий функционирует на основе сложившихся типизаций, схем, стандартов, которые зачастую трудней всего поддаются изменениям, - как в силу их традиционности, апробированности, общепринятости, так и в силу скрытости их собственной природы. Эти стандартные типификации в случае их изменения человеком как бы восстают, не подчиняются модернизирующим усилиям человека и, как правило, сами подчиняют его себе. Их воздействие, сопротивляющееся возможным изменениям, является гранью повседневности.

И, тем не менее, следует особо отметить, что типизация является не только познавательной, но и практической операцией. Мы «доверяем» нашей повседневности, считаем ее нормальной во многом потому, что она типизирована, систематизирована, упорядочена. Она конституирована порядком, который возник до нашего появления на сцене социального театра. Мы играем с уже существующими способами и средствами типизации.

Продолжая феноменологическое исследование повседневности, П. Брегер и Т. Лукман писали: «Социальная структура – это вся сумма типизаций и созданных с их помощью повторяющихся образцов взаимодействия. В качестве таковой социальная структура является существенным элементом реальности повседневной жизни» [3].

Главной чертой повседневного взаимодействия, выделенной П. Бергером и Т. Лукманом, выступает ситуация «лицом-к-лицу»: в ситуации лицом-к-лицу я постигаю другого посредством схем типизации, хотя они более подвержены непосредственному вмешательству с его стороны, чем «отдаленные» формы взаимодействия. Иначе говоря, хотя довольно сложно применять жесткие образцы к взаимодействию лицом-к-лицу, но даже оно с самого начала упорядочено, если происходит в рамках привычного порядка повседневной жизни. Реальность повседневной жизни содержит схемы типизации, на языке которых возможно понимание других и общение с ними в ситуациях лицом-к-лицу. Наше взаимодействие лицом-к-лицу будет упорядочено этими типизациями, пока они не станут проблематичными. Конечно, здесь моя схема типизации должна видоизмениться. Однако до тех пор, пока не брошен вызов и нет свидетельств об обратном, типизации будут сохраняться, и будут определять мои действия в данной ситуации.

По мнению Н.Н. Козловой, подход, предложенный П. Бергером и Т. Лукманом, применимый к анализу социальной реальности позволяет рассматривать социальный мир не как готовую структуру, которая совершенно не зависит от человеческой деятельности и от характера человеческих взаимодействий: «Даже тогда, когда мы живем, казалось бы, в полностью овеществленном мире, мы меняем его». Это не революционные, а эволюционные изменения общества, которые можно назвать «непреднамеренными социальными изобретениями»: «Родившееся в процессе повседневной жизни, в «узком кругу», во взаимодействиях от лица к лицу подвергается реификации (овеществляется). Человеческое воспринимается в нечеловеческих или даже надчеловеческих формах. Так возникают институты, которые постепенно утрачивают следы своего происхождения и воспринимаются людьми как «чуждые», «данные от бога» и пр. Человек создает реальность, которая может и отрицать его самого. Так меняются общества. Изменившееся общество начинает, в свою очередь, производить людей «под себя», т.е. тех, кто способен его воспроизводить» [4]. Используя идеи социальной феноменологии, Н.Н. Козлова сформулировала особый подход к анализу повседневности (культурно-антропологический подход), позволивший выявить исторически сложившиеся типы человека эпохи и типы социального взаимодействия.

В своих исследованиях, основанных на материале отечественной истории советского периода, Н.Н. Козлова сумела показать, что изучение сферы повседневности в ее «предельной конкретности», является ключом

к пониманию механизмов преемственности типов общественных связей. Подход Н.Н. Козловой «позволяет снять многие мифологемы, в частности, скорректировать оценки послеоктябрьского периода отечественной истории как цивилизационного провала, «черной дыры» мировой цивилизации. Ибо изучение социальной жизни с позиций повседневности позволяет зафиксировать механизмы ее преемственности на микроуровне социального организма даже и тогда, когда в макросоциальных (социетальных) масштабах «распалась связь времен». В подобной интерпретации повседневность выступает и как сфера вынашивания перемен, и как критерий глубины социальных преобразований».

Библиографический список

1. Плотников В.И. Типологический подход // Современный философский словарь. М.: Академический проект, 2004.
2. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социс. 1988. № 2. С. 129-131.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1996.
4. Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. М.: Изд. дом «Ключ-С», 1996.

УДК 340. 114

Л.А. Киселева,
УГЛТУ, Екатеринбург

ПРАВОВОЙ ИНФАНТИЛИЗМ И ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ

Правосознание представляет собой область сознания, отражающую правовую действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, социально-правовых установок, регулирующих поведение людей в юридически значимых ситуациях.

Правосознание такой социальной группы, как молодежь, имеет специфические черты, которые обусловлены возрастными особенностями, социально-экономическим положением. В структуре правосознания молодежи выделяют следующие составляющие элементы: знание права, представление о праве, отношение к действующему праву, требования, предъявляемые к праву, отношение к исполнению правовых предписаний.

В правосознании могут проявляться два его состояния: положительное и деформированное. Деформация правового сознания – это правовое явление, при котором у человека складываются определенные взгляды, знания, чувства, настроения, эмоции, представления, искаженно отражаю-

щие правовую действительность и выражающие отрицательное отношение к действующему праву, правосудию и законности.

Основные формы проявления деформированного правосознания – это правовой инфантилизм и правовой нигилизм. Правовой инфантилизм заключается в недостаточном уровне знаний о праве и правовой действительности либо искаженном о них представлении. Это не дает возможности молодежи правильно осознавать правовую действительность и соответствующим образом строить свое поведение. Думается, что причиной данного вида деформации являются недостатки и упущения в правовом воспитании молодежи в семье и учебных заведениях.

В прошлом году я была приглашена в судебное заседание для характеристики личности подсудимого, которого обвиняли по ст. 228.1 Уголовного кодекса РФ (незаконный сбыт наркотических средств). Юноша, наш студент, целеустремленный, из хорошей полной семьи, пытался сбыть 0,36 грамма гашиша, при этом наивно полагая, что ему за это ничего не будет, так как «в Голландии легкие наркотики легализованы». Когда он осознал, находясь в СИЗО, что ему грозит 3 года лишения свободы, с ним случился нервный срыв.

К правовому нигилизму следует относить случаи осознанного игнорирования требований закона, это отрицание правовых ценностей, неуважительное отношение к нормативному порядку.

В молодежной среде нигилизм проявляется по-разному. Несоблюдение и неисполнение требований законов – это одна из форм нигилизма. По статистике, молодежь в возрасте от 14 до 29 лет в среднем совершает половину всех уголовных преступлений в стране [1].

Неуважение к суду и деятельности правоохранительных органов проявляется в том, что при возникновении юридического конфликта, при совершении в отношении молодежи незаконных действий она часто не прибегает к помощи полиции, прокуратуры, не обращается в суд, а решает проблему самостоятельно. В ходе проведения различных опросов молодых людей, установлено, например, что каждый пятый из них был жертвой преступления, однако при нарушении своих прав они либо прибегали к помощи друзей (36,7 % респондентов), либо защищались самостоятельно, не обращаясь в правоохранительные органы (30,3 % респондентов) [2].

Критика закона со стороны молодежи может проявляться в различных формах, вплоть до демонстративного нарушения устанавливаемых требований. Например, запрет курения или распития пива в общественных местах может сопровождаться явно провокационными поступками молодых людей, когда в их сознании возникает внутреннее отторжение правовой нормы, складывается правило: «Раз мне запрещают, буду делать назло взрослым».

На мой взгляд, преодоление правового инфантилизма и правового нигилизма во многом связано с проблемой социализации молодых людей.

Важную роль в процессе правовой социализации играет, конечно, семья. Еще Л.И. Петражицкий писал, что «уровень правового сознания индивида зависит от того, как в его семье в пору его детства был поставлен процесс правового воспитания» [3].

Однако школа и вуз – это те институты, которые отвечают за воспитательный процесс формирования правовой культуры и, на мой взгляд, способны преодолеть деформацию правового сознания молодежи.

Думается, это можно сделать путем включения в учебный план УГЛТУ спецкурсов по различным отраслям права, где наши студенты смогут отработать навыки оперирования правовыми понятиями, поскольку дисциплина «Правоведение», которая сегодня преподается в нашем вузе, позволяет лишь обзорно познакомить молодежь с некоторыми нормами права.

Библиографический список

1. Карпухин О.И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 125.
2. Ромашов Р.А. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде // История государства и права. 2011. № 2. С. 8.
3. Петражицкий Л.И. Теория государства и права в связи с теорией нравственности. СПб.: Изд-во «Лань», 2000. С. 103.

УДК 379.85

Н.Е. Кричевцова
УГЛТУ, Екатеринбург

СИМУЛЯКРЫ ИДЕОЛОГИИ ОБЩЕСТВА ГЛОБАЛЬНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

В середине девяностых, после разрушения советской системы хозяйства и управления обществом, многие задумались: необходима ли обществу идеология, нужна ли она вообще? Началась дискуссия о необходимости формулирования «национальной идеи», которая сплотила бы всё общество. Некоторые полагали, что и социалистическая, и буржуазная идеология кончились: «С концом коммунистической идеологии пришёл конец и либеральной идеологии. Крах коммунистической идеологии означал не победу Запада, а крах идеологии вообще. Современный мир остался без жизнеспособной идеологии» [1]. Эту мысль продолжил А. Кунгуров, подчеркнув, что место идеологии заняла манипуляция сознанием масс со стороны элиты, или, в терминах А. Грамши, «доминирующий класс зомбирует общественное сознание» [2].

С другой стороны, никуда не делись социальные группы с разными интересами, ценностями и целями. Это дает основание предполагать, что все же идеология присутствует в нашем мире. В Конституции Российской Федерации (ст. 13) декларируется идеологический плюрализм: «Никакая идеология не может быть установлена в качестве государственной или обязательной» [3]. Наконец, существуют политические партии, которые в своих программных документах фиксируют цели собственной деятельности, представления о перспективах развития общества, своё понимание справедливости, демократии, прогресса, исторического пути России.

Следует отметить, что помимо идеологических теорий, отчеканенных в официальных документах, существуют «непредставленные» идеологии, «проявляющиеся лишь на уровне повседневности: в речах государственных, политических и общественных деятелей, в средствах массовой информации, в разговорах граждан, т. е. в том, что принято называть идеологическими дискурсивными практиками» [4]. Этот феномен может служить мостиком, соединяющим идею манипуляции массовым сознанием и официальной идеологией, не являющейся мировоззрением элиты или общим идеологическим знаменателем общества, а позицией, которая насаждается в массах в интересах правящего слоя для консервации своего привилегированного положения.

Каково же идеологическое поле современной России? Прежде всего, бросается в глаза заигрывание политической элиты с православной церковью, усиление влияния РПЦ на государственные, политические, социальные стороны жизни общества (к примеру, посещение Президентом храма в присутствии Патриарха непосредственно после инаугурации). Достаточно вспомнить историю с приездом в Россию пояса Богородицы в конце 2011 г. и реплику В.В. Путина о том, что это поможет решить проблему рождаемости. Церковь проторила дорогу в светскую школу, редкое телешоу обходится без А. Кураева, В. Чаплина и др. Уже является укорененной традицией, когда российский космонавт перед космическим полётом целует крест, или лекцию на канале «Культура», посвященную происхождению человека, отдают профессору богословия А. Осипову. Апофеозом интеграции православной церкви и политики может быть назван массовый молебен 6 мая 2012 г. в центре Москвы «в защиту Конституции, против невежества и мракобесья»! Нынешний глава государства на вопрос журналистов об отношении к вере прямо сказал, что был комсомольцем, воспитан советской школой, и потому имеет вполне светское мировоззрение. Что же сегодня заставляет властный тандем с женами участвовать в религиозных действиях? Многие аналитики видят в таком поведении трезвый расчёт, практический макиавеллизм, умелый пиар-ход.

Сегодня часто критикуют деятелей Просвещения XVIII в., идеологов марксизма XIX в. Они указывали на одну из ключевых функций религии – обслуживание интересов власть имущих, воспитание в народе социальной

пассивности и законопослушности, перенесения акцента на загробное воздаяние, аскетизм и покорность. История, на наш взгляд, неоднократно продемонстрировала их правоту. Политический прок от этого хода подтверждают современные социологические исследования гражданской позиции и политических симпатий верующих, проведенных М.М. Мчедловой: православные верующие демонстрируют большую степень доверия политическим институтам, меньше склонны критиковать экономическую политику Правительства, ниже оценивают свои шансы как-то повлиять на социальную действительность [5].

Реверансы власти в сторону церкви призваны продемонстрировать общие с народом ценности и ориентацию политики на гуманизм, любовь к ближнему и пр. Однако непонятно, как все это совместить со служением «золотому тельцу» в виде протектирования олигархов, фиктивную борьбу с наркоманией, использование гастарбайтеров при безработице самих россиян, дороговизне медицины, продолжающимся обнищанием части граждан. Из христианства тут присутствует только максима «Христос терпел, и нам велел».

Как известно, христианство ориентировано всё же на духовные ценности, а власть внушает людям, что цель жизни – успех, измеряемый звонкой монетой. Зациклить человека на потреблении, дать ему «тряпок и колбасы», «духовную жвачку» в виде массовой культуры, поставить «иметь» выше, чем «быть». Разве нова для нас ситуация, когда «народ безмолвствует»? Тем более, что в последнее время он сменился на другой: «А есть ли народ?» [6].

Еще один важный вопрос – о носителе идеологии. Поскольку эта форма общественного сознания отражает групповые интересы, как сопоставить идеи, предлагаемые в качестве ценностных ориентиров, с социальной структурой общества? Этот аспект как-то ускользает от внимания большинства обществоведов, высказывающихся по данному вопросу. Так в 2003 г. Ю.Г. Волков настаивал на том, что «стержнем идеологии должно стать развитие творческой духовной сущности человека» [1, с. 90.]. Под этим тезисом могли бы подписаться мыслители от Мирандолы до Кампанеллы, Фурье, Маркса и Фромма!

В 2010 г. Б.Ф. Славин провозгласил «общегражданскую идеологию», которая в перспективе должна быть светской, научной, демократической, отражать интересы большинства общества и, опять же, гуманистической [7]. Дело в том, что мы понимаем под гуманизмом, демократизмом и интересами большинства.

Неизменным кладезем идей для идеологий служит романтизированное прошлое. «Есть одна преобразующая сила – любовь. Главная политическая задача на сегодня – научиться любить по-настоящему страну и народ, соборное целое. Россия – это катехон» [8]. В этом высказывании прослеживаются идеи П.Я. Чаадаева, славянофилов, В. Соловьёва.

Перечисленные исторические реминисценции, а также многие подобные им примеры псевдоидеологических конструкций побуждают вспомнить термин, предложенный Ж.Т. Тощенко в отношении такого рода теорий – «кентавр-идеи», указывающий на «полный или частичный разрыв между реальностью и представлениями о том, что должно или может быть» [9]. Термин представляется нам чрезвычайно удачным, т.к. игнорирование различий между моделью и реальностью – характерная черта мифологического мышления, и «кентаврам» там самое место. О мифологизации современных российских идеологических конструкций говорят и другие авторы [10].

Не редкость даже в логичных и разумных рассуждениях повисающие в воздухе «прожекты», предназначенные, видимо, для исполнителя «*deus ex machina*». К примеру, рассуждения М. Веллера о диктатуре в её историческом и современном политическом аспекте. Вдруг, когда речь зашла о том, кто и как будет «по-умному» вводить эту «чрезвычайную власть на время» [11], автор предлагает «либералов и демократов, силовиков и олигархов – следует усадить за стол переговоров, с целью: совместно выработать статус диктатуры в России». Остаётся только решить, кто же это их усадит и кому из них диктатура нужна?

Какие идеи объединяют олигархов и безработных? Бывают такие идеи, если это империя и свои господа делятся со своим народом за счёт использования чужих ресурсов (назовите это колониальной Англией, Римской империей или нынешними США). Единство против кого-то и за счёт кого-то. А что может объединить нас, какие ценности, на которые можно жизнь положить? Мы даже не можем сказать, что живём в одной стране. Иногда кажется, что мы живем в одной, а олигархи и чиновники – в другой. И не только потому, что капиталы за границей и дети учатся там же. Присутствуя на нашей территории, они пребывают в иных координатах, в ином мире, хотя и земном.

Наконец, последнее по счёту, но не по важности соображение: идеологию всегда вырабатывают интеллигенты. Современная политика в области образования и культуры направлена на то, чтобы уничтожить этот слой. Система сплошного Интернет-тестирования формирует принципиально нетворческую, зомбированную, одноплоскостную личность, «заточенную» на то, чтобы угадать «чего изволите?», а не вникать в смыслы сущего и уяснять своё отношение к заглатываемой информации. Эти дети «*generation P*» повторяют как мантры: «Нет свободы без собственности», «свобода личности превыше всего», «смысл жизни – быть богатым и успешным»... На такой почве идеология, какая бы то ни было, вообще не растёт, ибо этот феномен общественного сознания по определению должен способствовать объединению общества или какой-то его части на основе общих целей и ценностей, а если нас с детства приучают толкаться локтями,

учат, что «каждый за себя», такой социум долго не просуществует, в какие бы красивые обёртки мы его не заворачивали.

Поэтому именно «кентавры» резвятся на наших идеологических просторах – они сами по себе, а реальность сама по себе. «Вытеснение действительного ради желаемого» [12] называется симулякром.

Библиографический список

1. Волков Ю.Г. В поисках новой идеологической парадигмы // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 2. С. 93.
2. Кунгуров А.А. Будет ли революция в России? М.: Алгоритм, 2011. С. 166.
3. Конституция Российской Федерации. М.: Изд-во Проспект, 2005. С. 5.
4. Фадеичева М.А. Идеология и дискурсивные практики «нашизма» в современной России // ПОЛИС. 2006. № 4. С. 53.
5. Мчедлова М.М. Роль религии в современном обществе // СОЦИС. 2009. №12. С. 82 - 84.
6. Кургиян С.М. Манифест движения «Суть времени» [Электронный ресурс]. URL: <http://eot.su/manifest>.
7. Славин Б.Ф. Россия в поисках идеологии и модели развития // Социально-гуманитарное знание. 2010. №4. С. 8.
8. Кургиян С.М. Выступление на съезде «Суть времени» [Электронный ресурс]. URL: <http://imeo.com38063581>.
9. Тощенко Ж.Т. Кентавр-идеи как деформация общественного сознания // СОЦИС. 2011. № 12. С. 3-4.
10. Рязанова С.В. Политическая мифология в России и в мире // ОНС. 2001. № 1. С. 86-96.
11. Веллер М.И. Срок для президента. М.: Астрель, 2012. С. 292.
12. Управителей А.Ф. Конструирования субъективности в антропологии С.Н. Булгакова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 67.

УДК 18

О.Н. Новикова
УГЛТУ, Екатеринбург

ИГРОВОЙ КОНТЕКСТ РУССКОЙ ДВОРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Современная научная мысль доказала, что игра – это не просто отдельная сфера культуры, а прежде всего приоритетное свойство жизнедеятельности в целом (А.Б. Демидов, Й. Хейзинга, Э. Финк и др.). «Человеческая культура возникает и разворачивается в игре, как игра» [1].

Невозможность предугадать наперед жизненные реалии (непредсказуемая русская природа не давала гарантий на хороший результат, несмотря на напряженный труд или социальную ситуацию), запланировать конкретный план действий и следование ему формировали мышление великоросса. Не рациональное, а интуитивное начало доминирует в логике поступков русского человека.

Интуиция, вера в сверхвозможность, сверхопределенность как исторической судьбы России, так и жизни конкретного человека – характерная особенность российской ментальности XVIII–XIX вв. А. Мень, характеризуя данный исторический период, пишет: «Человек обладает не только ощущениями и разумом, но и как бы особым «органом» внутреннего постижения, который раскрывает перед ним сущность бытия» [2]. Восприятие и реализация жизни через игровой контекст, придает обыденности мистический характер. «Игра становилась столкновением с силой мощной и иррациональной, зачастую осмысляемой как демоническая» [3].

Г.В. Флоровский – религиозный мыслитель, философ, историк и богослов, определяя феномен своеобразия русского человека, указывает на особое присутствие в нем игровой стихии. «Слишком привыкли русские люди праздно томиться на роковых перекрестках, у перепутных крестов... И есть в русской душе даже какая-то особенная страсть и притяжение к таким перепутьям и перекресткам. Нет решимости, сделать выбор. Нет воли, принять ответственность. Есть что-то артистическое в русской душе, слишком много игры» [4].

Природная языческая, дионисийская стихия лежит в основе жизнедеятельности россиянина, по мнению Н. Бердяева: «В русской стихии, всегда сохранялся и сохраняется и донныне дионисический, экстатический элемент. Один поляк сказал мне в разгаре русской революции: Дионизос прошел по русской земле. С этим связана огромная сила русской хороводной песни и пляски. Русские люди склонны к оргиям с хороводами» [5].

В своих воспоминаниях маркиз де Кюстин рассказывая о жизнедеятельности имперской России, сравнивает ее с театрализованными подмостками. Автор пишет, что столицу Петр I превратил в огромный театр, где архитектура сливается со сценической декоративностью. «Что касается двора, то чем более его наблюдаешь, тем более испытываешь сочувствие к человеку, который его возглавляет, особенно здесь в России. Русский двор напоминает театр, в котором актеры заняты исключительно генеральными репетициями. Никто не знает хорошо своей роли, и день спектакля никогда не наступает, потому что директор театра не доволен игрой своих артистов. Актеры и директор бесплодно проводят всю свою жизнь, подготавливая, исправляя и совершенствуя бесконечную общественную комедию, носящую заглавие «Цивилизация Севера»...» [6].

Русская игровая культура прежде всего просматривается в жизнедеятельности дворянской среды. Типичный русский дворянин состоял на цар-

ской службе, но через ряд ухищрений стремился избежать деятельности, предпочитая праздный образ жизни. Скачки, балы, бескрайнее гостеприимство с обильным угощением на пирах, безоглядное расточительство служат своеобразным потlachем (древним ритуалом, демонстрирующим уважение и авторитет). Дух соперничества, желание выглядеть не хуже, чем другой, заставляют соревноваться дворянские семьи в организации праздных мероприятий, в процессе которых происходит демонстративное уничтожение материальных благ. Игровое действие становится механизмом, двигателем, активатором человеческой жизни. В реальной жизнедеятельности игру организуют, ждут, радуются или огорчаются, но никогда не удивляются. Все бытие воспринимается как непредсказуемая случайность, сознательно организованная кем-то или чем-то успешность, в сочетании с пассивно-созерцательным, фаталистическим отношением к миру, принятием как данности своей судьбы.

«Жизнь – игра, жизнь – театр, жизнь – сон, а искусство – реальность сна» [7]. Придворный церемониал и установленные светские условности задают определенное ролевое поведение всем участникам придворной жизни. Театрализация, игра становятся нормой этикета, а декорации и костюмы дополняют образ ежедневного лицедейства. Эпоха правления Елизаветы Петровны характеризуется появлением большого количества предметов-«обманок», достаточно вспомнить художественные полотна П. Ротари, на которых девушки кажутся живыми, благодаря мастерству и убедительности изображения человеческой плоти и одежды (кабинет мод и граций в Петергофе). В моду входят натюрморты, написанные на дубовых досках, вмонтированных в стену, имитирующие стеллажи с книгами, писчими предметами. Исторические хроники свидетельствуют, что ручки, перья, чернильницы, листы бумаги, казались реальными, настоящими, и нередко незнающий гость протягивал руку с целью взять предмет или нарисованную книгу. Не только бутафорные предметы, но и имитация людей, типичный факт культурных особенностей данного времени, так в усадьбе Кусково гостей развлекают фигурами-обманками. В знаменитом Шереметьевском театре на заднем плане нередко располагались нарисованные фигуры персонажей, эмитирующие толпу. Но известен факт иного использования бутафорных героев. Так, изображение прекрасной дамы, нарисованное на плотном картоне, выставлялось в затемненной алее парка, или на водной глади пруда на специальные полозья. Гости «на веселе» устремлялись к прекрасным «нимфам» с целью знакомства, но героини исчезали из виду при приближении оных (слуга, приводил обманку в движение с помощью веревки и несложного механизма).

Реальность и театральность наиболее полно переплетались в маскарадах, которыми также славился елизаветинский двор. Требования к маскарадному платью даже регламентируются в законодательных документах: «...в публичный маскарад иметь приезд всему дворянству с фамилиями в

приличных масках..., а кто не дворянин, тот бы в оный маскарад быть не дерзал» [8].

Весь имперский период русской истории отмечен феноменом «случая» и его ролью в истории конкретного человека и нации в целом. Специфика достижения личной успешной карьеры (в условиях «женского правления»), самоутверждение через театрализацию образа, принятие на себя особой роли и соответствие ей (гусар – мот, игрок, любитель женщин; дворянин – денди, вежлив, учтив, меланхоличен и т.д) – вот чаяния данной эпохи.

Азарт игры вытекает из общей атмосферы романтизма этого времени, с его культом непредсказуемости, отхода, противостояния норме, противопоставления упорядочиванию империи. Идеал данной эпохи нацелен на уникальность и таинственность, проявляющуюся в исключительных обстоятельствах. Противодействие внешнему через борьбу внутреннюю, с чередованием добра и зла, добродетели и порочности, спокойствия и буйства. Герой данного времени весь соткан из контраста: он и венец творчества, повелитель мира и в то же время – безвольная игрушка в руках судьбы. Человек XIX в. является жертвой собственных страстей. Отсутствие видимой свободы в имперском масштабе компенсируется свободой карточного действия. Ведь это целая церемония с установленными правилами и обязательствами: наличие модного сюртука, владение специфической терминологией, готовность радоваться жизни при выигрыше и без сожаления расстаться с ней при проигрыше. Сама ситуация запала игры эквивалентна ситуации поединка, конфликтного противостояния, противодействия двух и более противников, прототип дуэлянства.

Случай, ситуация, становятся синонимом удачливости, так как «милость божья» подразумевается не как соблюдение установленных правил, а именно как их нарушение.

В исторической практике карты и карточная игра в XVIII – начале XIX вв. приобретают черты мифообразования эпохи. Как сказал М.Ю. Лермонтов:

Что ни толкуй Вольтер – или Декарт –
Мир для меня – колода карт,
Жизнь – банк; рок мечет, я играю,
И правила игры я к людям применяю [9, с. 280].

Феноменальный интерес и любовь к карточной игре объясняются ее двойственной природой: игра как она есть – игра и игра как рок, жребий, через трактовку выпавшей карты определяющий будущее игрока, имеющий прогнозирующее и программирующее значение. Как указывает Ю.М. Лотман: «В рамках карточной игры каждая отдельная карта получает свой смысл по тому месту, которое она занимает в системе карт. Так, например, дама ниже короля и выше валета, валет, в свою очередь, также расположен между дамой и десяткой и так далее» [10]. Русский человек более склонен обсуждать пройденный путь, чем соображать дальнейший,

больше оглядываться назад, чем действовать, а перед делом – заглядывать вперед.

Самоутверждение, игра личности не с другим человеком, а с обстоятельствами, случаем, самой жизнью определяют приоритет игрового начала.

Карточные игры привлекают современников не только надеждой на выигрыш, но и участием в данном действии, определяют модель общественной жизни, так как участник расценивается как «добрый, хороший малый», или «вертопрах, мот». Так формируется имидж успешного героя «своего времени». Достаточно вспомнить образы главных литературных героев, воспетых в творчестве М.Ю. Лермонтова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и других писателей. А.С. Пушкин как-то сказал:

Там позволяется вчерашнему слуге
С хозяином своим на равной быть ноге.
И тот, кто был судьбой обижен в час рожденья,
Находит иногда в игре вознагражденье.

Счастье, удача и действие связывались воедино не через соблюдение принятых законов, устоявшихся норм, а как непредсказуемое нарушение правил. Риск, стремление к выигрышу служит отдушиной, является оборотной стороной имперской эпохи, исключая случайность, сознательно подчиняющей свободу личности. Неожиданность становилась атрибутом повседневности. Ее предчувствуют, к ней постоянно стремятся.

Образ государственности ассоциируется с игрой покер.

Взгляните-ка, из стариков
Как многие игрой достигли до чинов
Из грязи,
Вошли со знатью в связи,
А все ведь отчего? – умели сохранять
Приличие во всем, блюсти свои законы,
Держались правил... глядь!..
При них и честь и миллионы! [9, с. 274].

Парадная мундирность и муштра, всеобщая видимая подчиненность сосуществует со свободным выбором, приключенческим началом, символом страсти, вождения и мечты. Сознательный самообман, вера, в «точный расчет» (волшебная карта, вещь-фетиш) – иррациональный характер повседневности русского быта XIX столетия.

Бинарность русского сознания проявляется в способности не терять головы в трудных обстоятельствах и сохранять честь и достоинство при гибельных ситуациях. Азартная игра – серьезное действо, шуткам и вольностям в ней нет места: игра совершается в полном молчании, игроки обмениваются информацией через условную, специфическую терминологию, что в свою очередь способствует расцвету словесной игры. Язык картеж-

ников обрастает синонимами, приобретает аллегорическую форму (маз – ставка, удача, дела на мази и т.д.).

Постепенно карточная игра проникает в мир семейной идиллии, помогающей интересно провести досуг. В своих виршах «Евгению. Жизнь Званская» Г.Р. Державин восклицает:

И где до ужина, чтобы прогнать как сон,
В задоре иногда, в игры зело горячи,
Играем в карты мы, в ерошки, в фараон,
По грошу в долг и без отдачи...

Не азарт, а отдых, приятное времяпровождение или «коротание времени» с родными и друзьями все больше наполняют жизнь провинциальной России. Время, проведенное за карточной игрой, постепенно становится воплощением нежданной удачи, сбывшихся надежд, удавшейся жизни. Выигрыш в игре интерпретируется как универсальная модель реализации желаемого, некий канонический принцип бытования. Внешняя парадная закономерность мундирности противопоставляется непредсказуемости случая, государственное начало соседствует с личными желаниями.

Библиографический список

1. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. С. 7.
2. Мень А. Познание мира // Наука и жизнь. 1990. № 4. С. 54.
3. Лотман Ю. Театр и театральность в строе культуры начала XIX века. В 3 т.: Ю. Лотман. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. С. 272.
4. Флоровский Г. Пути русского богословия // Киев: Христиан. благотворит. ассоциация «Путь к истине», 1991. С. 501.
5. Бердяев Н. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. М.: ЗАО «Сварог и К», 1997. С. 8.
6. Кюстин А. Николаевская Россия. М.: Политиздат, 1990. С. 83.
7. Дмитриева Н.А. Краткая история искусств: в 3-х кн. Кн. 2. М.: Искусство, 1989. С. 243.
8. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое (с 1649 по 12 декабря 1825 г.) [Текст]. Т. XII. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 470-472. № 9217.
9. Лермонтов М.Ю. Избранные произведения / вступ. статья и коммент. А. Пескова. М.: Худож. лит., 1985.
10. Лотман Ю.М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века В 3 т. / Ю.М. Лотман // Избр. статьи. Т. 2. Таллин: Александра, 1992. С. 400.

УДК 159.9

Т.Н. Помазуева
УГЛТУ, Екатеринбург

КАРЬЕРНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В последнее десятилетие произошли серьезные изменения во взглядах на реализацию карьерного потенциала профессионала. Наметился явный переход от планирования карьеры к управлению карьерой.

Традиционный подход декларировал ценность установки «одна профессия и одна организация на всю трудовую жизнь». Именно организации (компании, учреждению, фирме) отводилась решающая роль в управлении профессиональным развитием и карьерным ростом сотрудника.

В настоящее время сотрудник провозглашается субъектом карьеры, который активно обеспечивает собственное карьерное продвижение. При таком подходе становится особенно актуальной задача разработки технологий управления карьерным ростом. Можно с удовлетворением отметить, что она успешно решается в рамках психологии профессиональной деятельности и карьерного коучинга.

Первым звеном в технологической цепочке является определение всего спектра личностных ресурсов для достижения карьерных целей. Для этого целесообразно провести комплексное психологическое тестирование, которое охватывает пять блоков: жизненные установки, профессиональные интересы, способности, мотивацию и личностные свойства.

В профессиональном плане наиболее важны три пары альтернативных установок: активная целеустремленность – пассивность, творческая свобода – поиск определенности, ответственность – легкомысленность. Необходимо подчеркнуть, что в реальной жизни ряд профессий и должностей требует строгого соблюдения формальностей и хорошей управляемости, поэтому пассивность и поиск определенности не имеют в профотборе негативного оттенка.

Блок профессиональных интересов определяет вектор карьерного развития. Психологические тесты выявляют предрасположенность к следующим видам деятельности: административной, предпринимательской, аналитической, управленческой, инновационной, коммуникативной. Кроме этого, для ряда людей интересна работа, связанная с обеспечением внутренних процессов в организации; их называют «функционалистами». Наконец, ключевой фигурой в этом списке является «специалист» – человек, который ориентирован на совершенствование в своей предметной области, на разработку и производство промышленной продукции.

Блок способностей отражает общую когнитивную работоспособность человека и его интеллектуальную направленность.

Мотивационная сфера ясно показывает, что движет человеком в его профессиональной деятельности: деньги, престиж, интерес, потребность в самореализации и т.д.

Наиболее сложным предметом диагностики является личность. Из всего многообразия личностных характеристик выбираются те, которые, по мнению психологов, наиболее значимы в профессиональной деятельности. Например, эмоциональная стабильность, экстраверсия, стеничность, сензитивность, доминантность.

Вторым звеном в технологической цепочке является анализ карьерных целей и задач. При этом особое внимание уделяется совпадению индивидуальных целей с миссией, которую декларирует и проводит в жизнь конкретная организация.

Третье звено – это анализ средств, необходимых для достижения цели, и реальной ситуации.

Четвертое звено – выработка практических шагов по достижению цели.

Прохождение основных звеньев технологической цепочки дает возможность провести психологическую диагностику карьерного потенциала личности и наметить пути реализации карьерных притязаний.

Управление собственной карьерой требует от профессионала понимания особенностей построения карьеры в различных видах деятельности.

Например, карьера в системе государственного и муниципального управления осуществляется в подавляющем большинстве случаев в составе команды во главе с сильным руководителем или в непосредственном взаимодействии с «паровозом» – сильным лидером, ориентированным на построение карьеры. Еще одна особенность, характерная для данной сферы деятельности – практика карьерного сдерживания молодых перспективных специалистов. Можно с уверенностью сказать, что в системе отечественного муниципального и государственного управления нет условий для восходящей вертикальной карьеры, поскольку данные организации построены по типу остроконечной пирамиды, и количество руководящих должностей ограничено.

Карьера на промышленном предприятии, напротив, более тесно увязана с современными бизнес-ценностями: карьерной устойчивостью, способностью использовать более широкий спектр ролевых позиций, мобильностью и самоменеджментом.

Планируя карьеру в системе российской высшей школы, необходимо учитывать разницу в карьерных стратегиях профессорско-преподавательского и административно-управленческого персонала. Представители первой категории ориентированы в своей деятельности на служение, т.е. наиболее эффективно работают и продвигаются по службе там, где создаются реальные условия для реализации главных жизненных ценностей (просвещение, самоактуализация). Административно-управленческий персонал ориентирован на стабильность и стремится делать карьеру в органи-

зации, которая заботится о сотрудниках, гарантирует определенную продолжительность службы и т.д.

Успешность карьеры в бизнесе самым тесным образом связана с личностными характеристиками: мотивацией к достижению, гибкостью в общении, системностью, динамичностью и гибкостью мышления, организаторскими способностями.

Специалисты в области карьерного менеджмента подчеркивают, что карьерные цели не должны быть ревнивым божеством, в жертву которому приносятся все остальные стороны жизни. Одной из главных задач российской психологии профессиональной деятельности и карьерного коучинга является формирование локального и интегрального типов создателей своей карьеры. Первый тип сохраняет себя как личность при карьерном продвижении, не изменяет базовым личностным установкам и ценностям при карьерном продвижении. Второй тип предполагает реализацию карьеры в широком контексте преумножения достижений общества в целом.

Необходимо отметить, что трансформация работника из объекта в субъект карьеры не означает умаления значения организации в управлении карьерным продвижением. Напротив, все современные исследования, посвященные управлению персоналом, подчеркивают, что оно должно быть партисипативным со стороны организации.

Еще одной важной особенностью карьерного менеджмента на современном этапе является тенденция к переходу от административных методов управления к социально-психологическим. «Пряник» оказывается эффективнее «кнута».

Профессиональный рост в динамичных социально-экономических условиях невозможен без эффективного карьерного менеджмента, который опирается на новейшие достижения науки, а также отводит ключевую роль в этом процессе самому работнику, трансформирующемуся из объекта в субъект собственной карьеры.

УДК 37.01

Л.А. Соколова
УГЛТУ, Екатеринбург

О РОЛИ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Существует различное понимание образования, и, в соответствии с этим, по-разному оценивается его роль в общественном развитии. Часто образование понимают как систему подготовки специалистов, необходимых обществу. В этом случае акцент делается на профессиональную подготовку, этому посвящен состав знаний, умений, навыков. Общекультурный, гуманитарный и воспитательный компонент образовательного

процесса ущемляются не только объемом учебных часов, но и педагогическим вниманием. Но ведь образование – это не только и не столько потребление знаний, подобное потреблению пищи, а скорее непрерывающийся процесс функционирования сознания и развития интеллекта. В образовании нет насыщения. Наоборот, чем больше знаний, тем острее ощущение его недостаточности [1].

Теоретики и практики педагогики предлагают различные подходы, позволяющие привести учащихся к целостному универсальному знанию. Образование формирует определенный тип мышления. Сейчас актуально, так называемое *голографическое мышление*, определяющее возможность видеть предмет, событие или проблему с разных сторон и в разных аспектах. По мысли А.С. Белкина, разработчика голографического подхода, под ним понимается процесс объемного раскрытия содержания изучаемого предмета, как систем способов и технологий, направленных на такое изучение знания, которое соответствует многомерности восприятия окружающего мира и жизненному опыту [2].

Образование – это условие и механизм управления знаниями. В связи с переходом на двухуровневую систему образования, результатом образовательного процесса считается формирование социальной и профессиональной *компетентности*, а ведь это не что иное, как способность и готовность личности к выполнению деятельности, обеспеченной совокупностью определенных знаний, умений, навыков, практического опыта и личностных качеств.

Сфера образования является одной из самых динамичных сфер общественного развития: образование не может не реагировать на изменения социально-экономических условий развития. Только *опережающее* образование может соответствовать потребностям современного общества; многие изменения являются неожиданными, многие проблемы – принципиально новыми. Образование обязано учитывать перспективы и прогнозы. Опережающее образование основано на проблемном обучении. Сегодня нельзя давать знания только устоявшиеся и проверенные. Необходимо показывать перспективы их развития, противоречия в их конструкции и содержании.

Одной из закономерностей развития современного общества является потребность в *непрерывном* образовании. Если знания не пополняются, они убывают, их пополнение не столько увеличивает их объем, сколько изменяет их качество и увеличивает интеллектуальный потенциал личности. Подобная система предусматривает возможности непрерывного образования - получение второго, третьего, дополнительного образования, повышения квалификации, развитие потребностей самообразования.

Немаловажным сегодня является компьютеризация образовательных процессов. Но главное здесь не столько в самой технике, сколько в разработке и эффективном использовании мультимедийных, компьютерных

программ обучения. Эти технологии направлены на формирование образного и вариативного мышления, структурирование материала, проектирование концепций, выстраивание логики учебного материала. Компьютеризация образования не исключает человеческого фактора, так как сочетание деятельности преподавателя и использование компьютерных технологий повышает возможности педагогического мастерства и развития творческого потенциала обучающихся. Мультимедийные программы позволяют использовать пошаговые технологии углубления знаний и оперативный контроль их усвоения.

Мотивационные факторы учебной деятельности играют не последнюю роль при формировании образовательного пространства. Мотив обучения должен лежать внутри самой учебной деятельности или как можно ближе к её процессу. Достичь этого можно следующими путями. Первый – сделать процесс обучения максимально интересным для обучающихся, приносящим им удовлетворение и даже удовольствие; второй – помочь им сформировать такие мотивы и установки, которые позволят в дальнейшем испытывать удовлетворение от преодоления внутренних и внешних препятствий в учебной деятельности [3]. Каким же образом лучше сформировать и воспитать мотивацию обучения? Возможно, заинтересовать. Любая получаемая человеком информация интересна для него только тогда, когда в ней есть и новое, и старое, уже знакомое. Совершенно незнакомое будет непонятным (например, разговор на чужом языке) и, следовательно, неинтересным, а старое без элемента новизны не привлечет внимания. Понимание и есть установление связи известного с еще не известным, но актуальным. Формы привлечения старых знаний к освоению нового материала могут быть самыми разнообразными: выявление аналогичных ситуаций, сопоставление, противопоставление, прослеживание общих закономерностей, выявление новых сторон в известном, использование старых знаний в новых условиях, с новыми целями [4].

По мнению А. Маслоу, главной профессиональной задачей педагога является поиск путей и способов, посредством которых он может помочь человеку стать тем, кем он способен стать. Готовность студентов к работе, их собранность нацеленность на будущую деятельность во многом опосредуется первыми словами преподавателя, обращенными к аудитории, его интонациями, точным знанием того, что необходимо делать, указанием на характер предстоящей работы, обращением внимания на её наиболее интересную сторону. Педагог может зарядить обучающихся доброжелательным, творческим настроением. Происходит эмоциональный резонанс – явление, доказанное И.П. Павловым, изученное К.С. Станиславским и экспериментально подтвержденное В.П. Симоновым. В соответствии с этим явлением трансляция педагогом положительных эмоций ведет к появлению подобных же эмоций у аудитории, активизируя их познавательную активность [5]. В то же время, хороший педагог – не тот, кто знает материал, и

даже не тот, кто владеет этим материалом, а тот, кто может в ежесекундно меняющихся обстоятельствах находить единственно правильное решение, кто умеет сориентироваться в текущей педагогической ситуации, «моделировать» условия игры и «втягивать» в нее аудиторию.

Что до самого понятия «образование», то необходимо понять смысл, который мы вкладываем в него. Можно согласиться с Н.Г. Чернышевским, который в статье, посвященной памяти А.С. Пушкина, писал: «Образованным человеком называется тот, кто приобрел много знаний... привык быстро и верно соображать, что хорошо и что дурно, привык «мыслить», и, наконец, у кого понятия и чувства получили благородное и возвышенное направление. Все эти три качества – обширные знания, привычка мыслить и благородство чувств – необходимы для того, чтобы человек был образованным в полном смысле слова» [6].

Библиографический список

1. Коротков Э.М. Управление качеством образования: учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2007.
2. Белкин А.С. Основы возрастной педагогики. М.: Издательский центр «Академия», 2000.
3. Митин А.Н. Основы педагогической психологии высшей школы. М.: Проспект, 2010.
4. Ротенберг В.С., Бондаренко С.М. Мозг. Обучение. Здоровье: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1989.
5. Булатова О.С. Искусство современного урока: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008.
6. Чернышевский Н.Г. Александр Сергеевич Пушкин, его жизнь и сочинения. М.: Гослитиздат, 1950.

УДК 316.04

Л.М. Тюляева
УрГПУ, Екатеринбург

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Повседневность, проблематизированная еще в 30-е годы прошлого столетия, в настоящее время все чаще вызывает интерес как предмет научного исследования. Причин тому много, и одна из них – угроза «отглобализировать» сегментарное разнообразие способов социальной жизни, выработанных этносами в ходе своей истории. Вероятность того, что глобализация может стать эпитафией на могиле человечества, достаточна велика – она «сворачивает» это жизнеспособное разнообразие, тем самым сужая поле

изменчивости стратегий человечества под будущие условия и проблемы выживания. Исследователи активно прорабатывают сценарии реакций различных культур на вызовы глобализации с тем, чтобы нащупать среди них сколько-нибудь позитивные варианты.

На наш взгляд, большим потенциалом в этом отношении обладает повседневность как особая форма опыта, который, по сути, противоположен глобализации в главном – он разворачивает однозначную рациональность в спектр многозначностей, на риск «глобально» потерять смыслы он отвечает их рождением. В «повседневностях» конкретных социумов коренится их жизнь и происходит «ферментация» рациональностей, навязываемых глобализацией.

Побродив по лабиринтам совсем непростой отечественной повседневности, остановимся на одном из ее «закоулков» – русском огороде и попытаемся показать, что вызовам упомянутой выше глобализации он, «родимый», может сказать далеко не последнее слово. Названия его изменялись в разные эпохи – огород, дача, приусадебное или личное подсобное хозяйство, любительское садоводство и огородничество, и уже совсем по-научному – агрорекреационный объект. Но время смешало множество значений и сегодня точнее, наверное, называть его «сад-огород-дача», понимая под этим не торгово-коммерческое предприятие семьи и не результат работы ландшафтных дизайнеров (колонизаторы!), а то, что делается на земле семьи для «собственного домашнего употребления» самими людьми и собственными руками.

Траектория развития русского огорода затейлива и временами парадоксальна. Начинаясь с простых огородов при монастырях в далекой древности, после образования Московского государства, развернувшись в разнообразие и пышность царского огорода, он затем явно переживает не лучшие свои времена, становясь, второстепенной отраслью крестьянского хозяйства и предметом заботы женщин и детей. Выполняя свою потребительскую функцию и став торговым земледелием для провинциальных русских городов в царской России, с установлением нового социального порядка 1917 г. огород сначала чрезвычайно жестко ограничивается со стороны идеологии, претендующей на роль единственного «упорядочивателя» жизни. Далее, обреченный, казалось бы, на полное исчезновение по причине взятого курса на развитие товарного хозяйства во времена перестройки, парадоксальным образом «натурально» оживает и становится «палочкой-выживалочкой» для многих людей в это нелегкое время. Экономика давно подписала бы приговор традиционной натуральности огорода, низкоэффективной и непродуцательной, если бы не была обнаружена его неомиссия – социокультурная, социально-психологическая, эмоциональная, терапевтическая, коммуникативная и т.д. Она позволяет огороду с успехом реализовывать в настоящее время широкий спектр постиндустриальных ценностей личности. Да и первич-

ное его назначение – экономически-потребительское – не исчезло, а обрело экологический вектор – пусть хлопотно, зато «чистое».

Вообще главная особенность эволюции дачи и огорода – смена функций деятельности на земельных семейных участках в соответствии с изменением потребностей людей. Удивительной пластичностью огород обязан своей способности менять типизации для любой проблемной ситуации. Своим устройством и «естественностью» он принуждает человека переопределять ее, возвращая в лоно нормального хода жизни. Таким образом, в рамках феноменологической методологии русский огород с полным правом может претендовать на то, чтобы именоваться культурным объектом в структуре нашей повседневности, орудием, изобретенным социумом для овладения и упорядочивания внешнего и собственного внутреннего мира с целью выживания. Мы вырываемся из урбанизированной среды и едем на свои «сад-огород-дачу» подышать чистым воздухом, побыть в тишине, среди зелени, послушать пение птиц. Не чувствуя вкуса «гламурных» фруктов и овощей, спешим вырастить свои, «чистые» огурчики и помидорчики. Выживать в мире тотальной манипуляции и жесткого контроля помогает нам реализация своих задумок очередного экопроекта, и то, что мы чувствуем себя авторами этой жизни, которая начинается каждой весной (ох, конечно, трудно быть богом!). Уставшие от стандартов жизненного пространства, спешим воплотить на своем участке нечто индивидуально-эстетическое из всего, что растет и не растет... Тотальную рыночную максимизацию выгоды «переопределяем» в благо общения в кругу близких и друзей. А какие ресурсы таит в себе огородничество как сфера социальных практик семьи, как механизм осмысления межличностной коммуникации в условиях противоречий и конфликтов! Огород упорядочивает внешнее и внутреннее в гармонии с природой, с самим собой, с социальным окружением. Волна глобализации остается в русском огороде желтым песочком, укрывающим дорожки между грядок...

Огород давно оброс другими элементами и действиями, помимо работы по выращиванию овощей для нужд семьи, не смущаясь их противоречиями – в баньке попариться, шашлычки поесть, на травке поваляться. Он обладает гибкими возможностями: в зависимости от ситуации и того, кто огородничает, он может служить и расслаблению и освобождению от умственного напряжения. С одних огород снимает излишний интеллектуализм, пробуждает в других эстетическую тонкость, ставя на одну доску людей различных профессий. Вообще огород служит неким индикатором мастерства человека в отношении всего, что связано с творением, возрождением различных форм жизни, их умножением (Фрейд назвал бы это свойство огорода чрезвычайно эротическим). Видимо поэтому огородами с удовольствием занимаются многие женщины. Они реализуют свою демидургическую сущность с помощью огорода бесконечно – ранней весной окна городских домов превращаются в инкубаторы по выращиванию всяче-

ских «ростков», пригородные автобусы наполнены взбодрившимися пенсионерами, самозабвенно участвующих в этом волшебном круговороте жизни. Осень меняет смыслы, и народ активно переживает чувство довольства результатами своего труда. Не беда, если они не ахти какие, огород не закрывает временные перспективы – «вот на следующий год...»

«Сад-Огород-Дача» воспринимается как существенная черта нашего способа жизни, ибо и такое национальное достояние как соленый огурчик и черная корочка с хлебной водочкой – все оттуда.

УДК 14

В.Д. Шмелев
УГЛТУ, Екатеринбург

ЛЕВ ТОЛСТОЙ ОБ ИСТИННОМ ПУТИ ЖИЗНИ

Что такое жизнь? Что такое смерть? В чем особенности человеческой жизни? Все эти вопросы чрезвычайно волнуют человечество и каждого индивидуума. Они не теряют своего значения в пространственно-временном континууме, всегда актуальны и злободневны. Однако в каждый период человеческого бытия выдвигаемые на основе их решения, смысложизненные ориентиры приобретают своеобразный социальный имидж. Если общество уже достигло зенита в собственном развитии, то они постепенно сглаживаются и растворяются в общественном сознании и, наоборот, серьезно обостряются в переломные кризисные эпохи. Сегодня на глобальном уровне сложилась острая кризисная ситуация, охватившая буквально все страны мира. Воочию предстало, что «капитализм исчерпывает себя; государственный социализм на практике показал непригодность и архаичность» [1]. Поэтому внимание к данным проблемам, особенно к оригинальным вариантам их решения, вновь существенно возросло. Вопрос об истинном пути жизни превратился в один из самых животрепещущих.

Современные искания российских любомудров, пытающихся найти выход из сложившейся кризисной ситуации в стране, характеризуются разноплановостью и многообразием. Они лишены прежней поляризации, когда марксистские воззрения и представления их идейных оппонентов находились в непримиримом противостоянии при объяснении социума. Можно констатировать, что господствовавшие прежде духовные ценности практически утратили социальную значимость, и объективно возникла необходимость в качественно ином осмыслении повседневной человеческой деятельности. Одновременно наступил срок разбирать прошлые завалы и извлекать на свет все то, что сохранило какое-либо значение для современности и может быть использовано в нынешних теоретических построениях. Оказалось, что философско-теологическое наследие Л.Н. Толстого

лучше всех пригодно для этих целей. Оно вновь возрождается из забвения и все больше становится злободневным и востребованным. Мирозерцание выдающегося сына России несет в себе весьма самобытную и оригинальную картину человеческих действий, социальных устремлений и мотивов, отвечающих глобальным потребностям XXI в.

Первые успехи в построении собственной системы взглядов о жизненной ориентации людей пришли к графу Л.Н. Толстому в годы пореформенного бытия Российской державы, освободившейся от феодальной зависимости. Ликвидация многолетнего крепостного права открыла перед русской интеллигенцией широкие двери в мир свободы и бурного расцвета интеллектуальных сил. В духовной атмосфере общества воцарилось состояние эйфории и началось всеобщее брожение умов, пытавшихся разобратся в новой социальной реальности, возникшей после столь кардинального исторического события. Каждый торопился предложить свое видение жизненного пути и грядущего развития Отчизны. Л.Н. Толстой тоже оказался великолепным пловцом в этом бурном социальном потоке. Прикнув к славной когорте выдающихся российских деятелей, озабоченных разрешением вечной проблемы «Что делать?», он предложил общественности свое понимание общезначимых вопросов.

Разумеется, созданная Л.Н. Толстым первичная мировоззренческая конструкция была еще очень сырой, требующей дальнейшей доработки и уточнений, однако, ей уже был присущ цельный характер. В эти годы, пишет В.А. Жданов, «Л.Н. Толстой впервые дает законченную систему мировоззрения. Она во многом сходна с его будущими взглядами, но существенно отличается от них и, главным образом, тем, что остается на ступени чистого умозрения...» [2]. Во многом, как нам представляется, эта система воззрений имела гипотетический характер и являлась всего лишь пробным наброском всеобъемлющей панорамы повседневных человеческих дел и событий. Мыслитель еще не раз пополнял ее содержание и вносил различные изменения. Он дорабатывал свою доктрину вплоть до самой кончины. Тем не менее, все же именно на этом первоначальном этапе творчества, как подчеркивает М. Зозуля, «у него созрела «великая, громадная мысль» – посвятить свою жизнь основанию «новой религии... очищенной от веры и таинственности» (дневниковая запись 4 марта 1855 г.)» [3].

Отличительной чертой первичных социально-философских представлений Л.Н. Толстого явилось то, что на этой ступеньке мировоззренческих исканий они носили пока литературные одежды. Литературное покрывало его социальных воззрений – это не просто случайный выбор или непременно следствие профессиональной деятельности. Как писатель он вполне мог бы не поднимать коренные проблемы пореформенного бытия, а, подобно И.С. Тургеневу, скользить по поверхности повседневных забот и тревог отдельного индивида. Однако тульский мудрец избрал более трудную дорогу, истоки которой лежали в глубинах русской культуры и отра-

жали особенности русской философской традиции. Вне всяких сомнений, Л.Н. Толстой воспринял близко к сердцу великую историческую миссию литературы: именно она ответственна в большей мере за дальнейшую судьбу многострадальной России.

Выдающийся творец «Войны и мира» наглядно продемонстрировал, что на страницах романов легче всего можно показать пустоту и ничтожность прежней светской жизни, уходящей в небытие, и в то же время приоткрыть людям туманную завесу над воцаряющимся грядущим. Обладая уникальным даром проникать во все уголки материального и идеального мира, литературная отрасль духовного производства больше всех других отраслей культуры подходила на роль предводителя и учителя всех слоев населения. «Литература, – как подчеркивал лучший друг яснополянского дворянина Н.Н. Страхов, изображая обстановку этих дней, – была **коноводом** (выделено мной – *В. Ш.*) всего движения и росла не по дням, а по часам. Общей же целью литературы считался переворот в умах, и вся она беспощадно гнала и ломала старое и стремилась проповедовать новые идеи» [4].

Прекрасно разобрался Л.Н. Толстой и в том, что литература может выполнить свое предназначение лишь при одном важнейшем условии – она должна слиться с народом. Ведь только народ реально может помочь в кризисные, переломные эпохи. Руководствуясь этим принципом, мыслитель обратился за помощью и советом к богатствам народного опыта. Единству с народом во многом способствовали личные качества Л.Н. Толстого. Конкретную характеристику этих достоинств русского мыслителя красочно описывает П.В. Басинский. Вот как он изображает общение Л.Н. Толстого с народом в эпизоде прибытия в Оптину Пустынь. «С самого начала приезда в Оптину, – подчеркивает этот исследователь, – «отлученного» Толстого встречали как отца родного: и паромщик, и гостинники, и мальчишка... Все были рады появлению этого незаурядного человека, знаменитого писателя и в то же время такого простого, такого доступного «дедушки». И в этот раз Толстой ни во что не «рядился». Он ведь и был дедушкой. И он всегда умел найти кратчайший путь к сердцу простого человека, подробно расспрашивая его о жизни, интересуясь каждой мелочью» [5].

Как видим, творческая лаборатория народных масс, составляющая кладезь житейской мудрости, всегда была объектом пристального внимания русского мудреца. Именно из этого неиссякаемого и животворного источника он первым из литераторов стал черпать полной пригоршней и использовать в своем творчестве. Даже свои будни Л.Н. Толстой постарался приблизить к народному быту с его многолетними традициями. Он одевался в крестьянскую одежду, вместе с семьей занимался земледельческими работами, и вообще вел себя не как господин, а как друг и товарищ в житейских невзгодах. В Ясной Поляне почти у дверей усадьбы стояло дерево, отчасти сохранившееся до наших дней, к которому приходили к писателю окрестные крестьяне за помощью в трудных жизненных ситуациях. Как

правило, трудолюбивым соседям он помогал, а вот бездельникам и лодырям никакой поддержки не оказывал, они уходили от него не солоно хлебавши, с пустыми руками.

Использование яснополянским дворянином народной мудрости и его, казавшаяся вычурной, бытовая упрощенность, не должны вводить нас в заблуждение. Ведь когда Л.Н. Толстой под видом простого крестьянина пешком ходил в Оптину пустынь или занимался еще каким-либо обыденным хлебопашеским делом, он отнюдь не преследовал цель раствориться в гуще народа и не планировал, даже в мыслях, стать, как пушкинский Дубровский, защитником угнетенных. Великий мудрец искал у народных масс смысл человеческой жизни, тесно сопряженный с обыденными отправлениями людей в повседневной действительности. Постоянно находясь в непосредственном контакте с различными представителями народных масс, он обнаружил, что главные ориентиры своего бытия они черпают не из науки, а из религиозных учений. Наука с ее апелляцией к потребностям не может выручить в острых ситуациях жизни, дать человеку даже простого утешения, так как не проникает в глубины человеческой повседневности. Только религия выполняет компенсаторскую функцию. Именно она призвана раскрыть смысл бытия и донести его до каждого индивидуума. Правда, христианская религия исполняет свое предназначение своеобразно, так как переносит подлинную жизнь с земли на небо. Лишь на небесах верующий человек получает завершающую оценку земного поведения. Истинный путь для него – восхождение в небесные чертоги.

Первоначально Л.Н. Толстой полностью не выходил из рамок официальной христианской доктрины. Более того, убедившись после изучения народного опыта в ценности религиозных отправлений, даже усилил свое сближение с православной церковью. Вопреки прежнему охлаждению к церковным обрядам и обуревавшим сомнениям в полезности этого социального института, мыслитель переборол себя и стал чаще посещать богослужения, поститься, соблюдать церковные праздники и даты. Однако продолжалось это недолго. Погрузившись в гущу церковной практики и в глубины православного вероучения, Л.Н. Толстой пришел к выводу, что действующее православие существенно расходится с Христовым учением. Христос проповедовал отрицание богатства и неприменение насилия, а православная церковь освящает греховные деяния государства и высоко ценит мирские блага. Фарисеи и книжники православия исказили и перетолковали учение Спасителя для поддержания своих корыстных интересов. Перелицовывая истины Христа, они внушают простому народу, что учение мистично и темно, что его смысл доступен только святым угодникам и высшим чинам православного клира.

Отводят людей от истинного пути бытия также те многовековые привычки, которые были выработаны ими в период языческой жизни. До сих пор большинство православных продолжает жить по старым законам. К со-

жалению, люди, подчеркивает Л.Н. Толстой, так и не перешли от языческого к христианскому жизнепониманию. И, наконец, самое главное препятствие к тому, чтобы каждый человек строил собственное поведение на Христовых максимах, заключается в массе соблазнов, с которыми он постоянно встречается в повседневной действительности. К числу таких соблазнов, согласно Л.Н. Толстому, относятся, прежде всего, соблазны чистоты каждой личности, когда она считает себя не обязанной ни кому, тогда как все другие люди ей что-либо должны. Другой распространенный соблазн связан с отношением к женщине. «Люди, – указывает русский писатель, – часто думают, что женщина сотворена для плотской утехы и что, оставив одну жену и взяв другую, мы получаем больше утехы» [6]. Третий соблазн касается клятвы граждан на преданность своему государству и т. д.

Преодолевая все препятствия и соблазны, убежден Л.Н. Толстой, каждый человек, следуя за Христом, прочно становится на единственно правильный путь жизни, позволяющий ему достичь высот благоденствия и исполнения желанных целей. Все другие пути неизбежно ведут к забвению и смерти. Эти утверждения яснополянского мудреца как нельзя кстати оказались востребованы и в наше время.

Библиографический список

1. Колбановский В.В. Гражданственность и глобальная социология // СОЦИС. 2010. № 3. С. 112.
2. Жданов В.А. Любовь в жизни Льва Толстого. М.: Планета, 1993. С. 63.
3. Зозуля М. Предисловие к двадцать восьмому тому // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М.: Терра, 1992. Т. 28. С. 25.
4. Страхов Н.Н. Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом (1862-1885). СПб., 1905. С 5.
5. Басинский П.В. Лев Толстой: бегство из рая. М.: АСТ : Астель, 2011. С. 182.
6. Толстой Л.Н. Краткое изложение Евангелия // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1957. Т. 24. С. 895.

УДК 141.78 + 398.22 + 316.7 + 801.82

В.А. Шумкова
УрФУ, Екатеринбург

МЕДИАПРОСТРАНСТВО КАК СФЕРА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МИФА

В переводе с греческого языка миф (mythos) – это слово, речь, высказывание. Как форма существования первобытной культуры миф представляется

цельной системой, в терминах которой воспринимается и описывается весь мир. В дальнейшем из мифа вычлняются различные формы общественного сознания, которые удерживают ряд мифологических моделей. Миф – это не пережиток архаического сознания, в настоящее время он является огромной частью культуры: сегодня миф реализует себя в литературе, рекламе, кино, телевидении и др. В данной статье рассматривается сходство функций мифа и СМИ, которые играют важную роль в формировании общественного сознания.

Согласно концепции постструктуралиста Р. Барта миф представляет собой некую коммуникативную систему, сообщение; миф не возникает из природы вещей, это лишь форма, многообразное содержание (и его интерпретация) которой определяется культурно-историческими условиями [1].

Мифическое слово не обязательно должно быть устным: это может быть любой тип текста (*текст* в этом смысле – любая знаково-символическая система, выраженная средствами естественного или искусственного языка и предназначенная для кодирования, сохранения и передачи информации – смысла текстов [2]), каждый предмет может быть произвольно наделен значением, так как ни материальный носитель, ни объект повествования не определяют сущность мифа.

Согласно концепции Соссюра в любого рода семиологической системе постулируется отношение между двумя элементами: *означающим* (неким акустическим образом психического порядка) и *означаемым* (концептом); объединяющая эти два элемента корреляция – воспринимаемый непосредственно *знак* (конкретная сущность). Та же трехэлементная система обнаруживается и в мифе, но особенность мифа заключается в том, что он создается на основе уже существующей до него последовательности знаков: *миф является вторичной семиологической системой*. Итак, в мифе имеются две семиологические системы, одна из которых частично встроена в другую: во-первых, языковая система (язык или подобные ему способы репрезентации) – *язык-объект*, во-вторых, это сам миф – *метаязык* (второй язык, на котором говорят о первом) [1]. Возможно рассматривать в качестве вторичной семиологической системы также и СМИ как современную среду функционирования мифа.

Как было сказано выше, материальным носителем мифологического сообщения может быть любой тип текста: фотография, кинематограф, репортаж, спортивные состязания, зрелища, реклама – все разнообразие форм проявления массовой культуры.

Миф преобразует смысл в форму, «похищает язык» [1]. Разные языки в неодинаковой мере сопротивляются мифологизации: экспрессивному поэтическому языку или точному математическому в гораздо меньшей мере угрожает вероятность быть «поглощенным» мифом, в отличие от обычного языка. В нем самом уже содержатся некоторые предпосылки для мифологизации: обычный язык отличается абстрактностью языкового концепта.

В языке есть целый набор средств конкретизации, но, тем не менее, вокруг конечного смысла всегда остается некий набор других виртуальных смыслов, смысл почти всегда поддается той или иной интерпретации. СМИ, используя обычный язык, уже на лингвистическом и смысловом уровне становятся жертвой мифа.

Отличительным принципом, согласно которому функционирует современная массовая культура, является принцип тиражирования. Ярким примером является копирование и воспроизведение новостных текстов в интернет-пространстве, что зачастую приводит к потере авторства, своеобразной анонимности. Миф всегда анонимен, он является примером коллективного творчества: отсутствие индивидуального начала придает мифу авторитетность и объективность в глазах его потребителя; также и текст СМИ нередко является текстом команды, а не отдельного человека. Кроме того, читатель в большинстве случаев обращает внимание не на автора, но на источник новостной статьи – информационное агентство, обладающее той или иной долей авторитета.

Текст СМИ обладает адресатом, но не обязательно обладает смысловой совершенностью, так как является только звеном в передаче информации. В данном случае речь идет о гипертексте, в котором данный конкретный текст является лишь фразой. Гипертекстуальность также отличает и миф: отдельный рассказ о сотворении человека или о мировом потопе составляет только часть мифологической структуры мира. Такую смысловую неполноту отдельного текста СМИ или мифа при оторванности от других элементов гипертекста можно охарактеризовать как «деполитизированность» (в данном случае *политику* следует понимать в глубинном смысле: как совокупность человеческих связей, образующих реальную социальную структуру, т.о. творящую мир [1]). Кроме того, в условиях современной информационной пресыщенности, имеет место простая маркировка факта, события, без «вдумывания», освоения этого факта личностью и осмыслению его в рамках целостного мироотношения.

Миф ничего не скрывает; его функция заключается не в утаивании или отрицании вещей, но в деформировании. Мифологический концепт дается как некая целостность, расплывчатая совокупность представлений, связанных между собой ассоциативным образом. Миф превращает историю в природу: мифологическое сообщение в глазах потребителя становится чем-то «естественным», воспринимается как объективное основание. Всякая семиотическая система есть система знаков, но потребитель принимает значение (миф) за совокупность фактов. Также и СМИ начинают с изложения фактов, которые претендуют на статус истины, а не ее описания. Деформирующая функция особенно заметна на примере визуальных СМИ, когда картинка реальности выдается за саму реальность. Приобретает также важное значение понятие «монтаж». «Визуализация» текстов СМИ ставит под вопрос существование подлинной и единой для всех

реальности. Итак, можно сказать, что, как и миф, СМИ участвуют в созидании мира, но он представляет собой не совокупность фактов, а лишь репрезентацию некоторых мнений и представлений, которые и выдаются за объективную реальность.

Также одним из механизмов современной массовой культуры является механизм упрощения. Простота и ясность, характерная для констатации фактов, переносится СМИ и мифом на мир вещей. При переходе «от истории к природе» уничтожается сложность человеческих поступков, им придается простота сущностей. СМИ и миф творят мир без противоречий и располагают его перед человеком во всей его очевидности, кажется, что вещи значат что-то сами по себе, рассмотренные безотносительно каких-либо связей. В этом смысле в современном обществе СМИ, действуя как миф, выполняют своеобразную защитную функцию от информационной энтропии.

В текстах СМИ часто используются клише, неологизмы, слова-маркеры, не связанные между собой, что ведет к дисперсии смысла и к отсутствию единой логики. Массмедийная эпоха характерна тем, что однажды сделанные картинки «реальности как она есть» и введенные в использование слова-маркеры не только функционируют в мышлении, но и репрезентуют само мышление части общества.

Итак, анонимность, смысловая несовершенство отдельного текста и отсутствие единой логики, деформирование реальности и языка, создание собственного упрощенного мира, преподносящегося в качестве истинного, хотя и репрезентующего лишь некоторые мнения и представления – собственно мифологические черты и свойства, адаптированные СМИ.

Библиографический список

1. Барт Р. Миф сегодня // Избранные работы: Семиотика. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.
2. Артамонова Ю.Д., Кузнецов В.Г. Герменевтический аспект языка СМИ. [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text12/04.htm>.

Сведения об авторах

Боровских Людмила Леонидовна – старший преподаватель кафедры экономической теории Уральского государственного лесотехнического университета.

Бородина Елена Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-политических дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета.

Верзилов Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, профессор кафедры истории и социально-политических дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета.

Исламова Алия Фларитовна – старший преподаватель кафедры истории и социально-политических дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета.

Калистратова Елена Анатольевна – доцент кафедры истории и социально-политических дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета.

Каменских Михаил Сергеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник научного отдела Пермского государственного педагогического университета.

Киселева Людмила Александровна – старший преподаватель кафедры истории и социально-политических дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета.

Кричевцова Нинель Евгеньевна – старший преподаватель кафедры истории и социально-политических дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета.

Кузнецова Олеся Васильевна – ассистент кафедры религиоведения Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Литвинец Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-политических дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета.

Люхудзаев Марат Иркинович – кандидат исторических наук, научный сотрудник МБУК Музей воинской славы г. Ноябрьск (ЯНАО).

Новикова Оксана Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии Уральского государственного лесотехнического университета.

Палкин Александр Сергеевич – аспирант кафедры истории России Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Помазуева Татьяна Николаевна – доцент кафедры истории и социально-политических Уральского государственного лесотехнического университета.

Пухов Денис Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-политических дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета.

Смолина Наталья Сергеевна – кандидат философских наук, ассистент кафедры религиоведения Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Соколова Людмила Анатольевна – старший преподаватель кафедры экономической теории Уральского государственного лесотехнического университета.

Соловьева Вера Валерьевна - кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории России Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Тюляева Любовь Михайловна - старший преподаватель кафедры политологии и организации работы с молодежью Уральского государственного педагогического университета.

Чевардин Алексей Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-политических дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета.

Шмелев Валерий Дмитриевич – доктор философских наук, профессор кафедры истории и социально-политических дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета.

Шумкова Валерия Александровна – студентка департамента «Философия» Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Научное издание

**РОССИЙСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ:
ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Материалы научно-практической конференции
(Екатеринбург, 1 октября 2012 г.)

Редактор Е.А. Назаренко

Компьютерная верстка Е.В. Карповой

Подписано в печать 20.08.2013

Формат 60x84 ¹/₁₆

Печать офсетная

Уч.-изд. л. 5,23

Усл. печ. л. 5,35

Тираж 100 экз.

Заказ №

ФГБОУ ВПО «Уральский государственный лесотехнический университет»

620100, Екатеринбург, Сибирский тракт, 37

Тел.: 8(343)262-96-10

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Издательство УМЦ УПИ»

620078, Екатеринбург, ул. Гагарина, 35а, оф. 2

Тел.: 8(343)362-91-16, 362-91-17

**РОССИЙСКАЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ:
история, современное состояние
и перспективы развития**